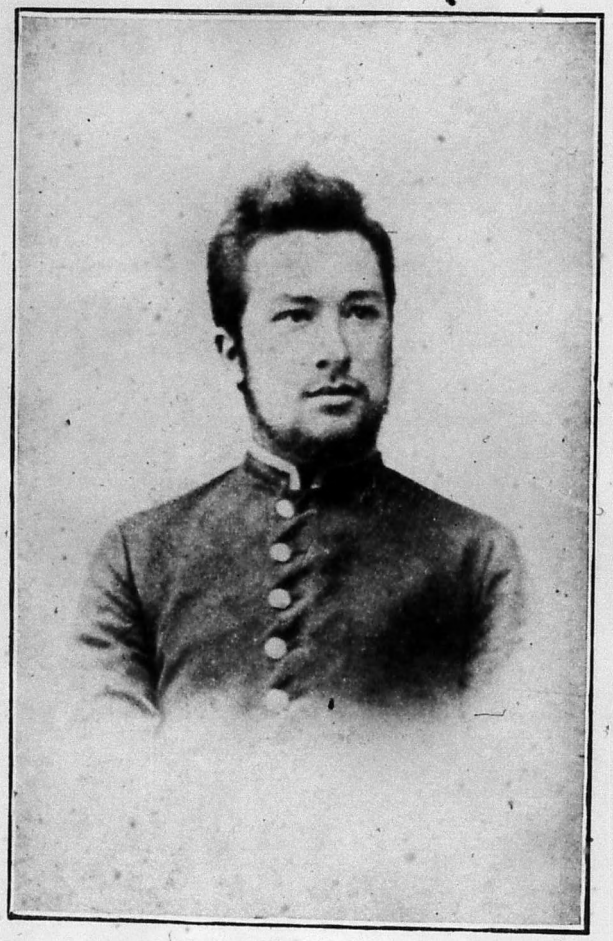

Юношескій портретъ П. В. КАРПОВИЧА.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ВѢСТНИКЪ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

Подъ редакціею К. ТАРАСОВА

№ 2.

Цѣна 5 франковъ.

ЖЕНЕВА
Тип. Гр. Стар. Народовольцевъ
6, Ch. des Grands Philosophes.

PARIS
DEPOT GENERAL
Société Nouvelle de Librairie et d'Edition, 17, rue Cujas.

ФЕВРАЛЬ 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ. № 2

Отдѣлъ I.

ОТЪ РЕДАКЦІИ . . . . . .
ЖИЗНЬ ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ (неизданная рукопись). Окончаніе. 1
ИЗГНАННИКИ (стихотвореніе).—Ф. Волховскаго 38
МІРОВОЙ РОСТЪ И КРИЗИСЪ СОЦІАЛИЗМА 39
ЛЕВЪ И ОСЛЫ (басня) 88
КЪ ВОПРОСУ О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.—Л. Шишко. 89
БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.—А. Левицкаго. 123
ЧЕМУ НАСЪ УЧИТЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ВЕНГРІИ И ИТАЛІИ?—Юрія Гарденина. 159
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.—И. . . . 211
ВЪ ПАРИЖѢ (стихотвореніе).—М. 232

Отдѣлъ II.

ПОЛЬСКО-РУССКІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ОТНОШЕНІЯ.—Михаила Люсни. 1
ФИНЛЯНДСКІЯ СОБЫТІЯ.—Л. 15
ПРОТЕСТЪ ФИНЛЯНДСКАГО НАРОДА 33
У ЗЕМЛИ (замѣтки и воспоминанія).—С. Нечетнаго . . . 37
ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА РОДИНѢ? 83

Отдѣлъ III.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ И ДОКУМЕНТЫ ИЗЪ РОССІИ:
1. Письма изъ Петербурга, Москвы, Одессы, Кіева, Харькова, Ростова, Тамбова и изъ Сибири. 1
2. Секретные циркуляры (Главн. Упр. по дѣламъ печати, Департамента Полиціи и Кіевскаго Военн. Округа).
РѢЧЬ П. В. КАРПОВИЧА НА СУДѢ 29
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДОКЛАДА КОММИССІИ МОСКОВСК. УНИВЕРСИТЕТА О СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОЛНЕНІЯХЪ. 35
ИЗЪ БЮЛЛЕТЕНЕЙ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ . 68
БИБЛІОГРАФІЯ 82
1. Свободное Слово.—А. Рудинъ 82
2. П. Кропоткинъ. Современная наука и анархизмъ.—А. Рудинъ. 85
3. Ѳ. Павловъ. За десять лѣтъ практики.—А. Рудинъ. . 90
4. Обуховцы. 98
5. Pro domo sua (по поводу библіогр. замѣтки „Зари" № 2-3). 99
ПОСЛѢДНІЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ (Кіевъ, Петербургъ, Харьковъ, Москва, Вильна, Н. Новгородъ). 104
В. С. АРЕФЬЕВЪ (некрологъ) 114
СИГИЗМУНДЪ ЛЯНГЪ (некрологъ). 116
ЗАЯВЛЕНІЯ 117

ЮНОШЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ П. В. КАРПОВИЧА.

ЛЕВЪ И ОСЛЫ.

(Басня по поводу отлученія Л. Н. Толстого отъ церкви).

Въ одной странѣ, гдѣ правили Ослы,
Левъ завелся и сталъ на лѣво и на право
О томъ, о семъ судить; и вотъ во всѣ углы
Про рѣчи львиныя зашла далеко слава.
Извѣстно всѣмъ, какой Львамъ громкій голосъ данъ;
Какая скрыта въ нихъ и сила, и отвага;
А этотъ первымъ былъ среди и львиныхъ странъ,
И громко говорить для всѣхъ считалъ за благо.
И такъ какъ Львы ни чуть не схожи на Ословъ,
И все въ привычкахъ ихъ и ихъ рѣчахъ иное,
То все правленіе ослиныхъ тѣхъ головъ
Отъ львиной дерзости лишилося покоя.
„Какъ! Рядомъ долгихъ лѣтъ природные Ослы
Обычай нашъ и нравъ привили мы народу,
А дерзкій Левъ рычитъ на насъ свои хулы
И подъ носомъ плодитъ намъ львиную породу!
Къ несчастью пущему народъ нашъ не глухой,
И данъ языкъ ему, какъ ни прискорбно это;
Одинъ послушаетъ, послушаетъ другой,
Глядишь—и разнесутъ ту ересь на полсвѣта
Судить немедля Льва"! И семеро Ословъ
Собрались засѣдать: какъ быть съ врагомъ косматымъ?
И сановитѣйшихъ ослиныхъ семь головъ
Такъ разрѣшаются посланьемъ витьеватымъ:
Левъ названъ гибельнымъ служителемъ страны,
Порвавшимъ дерзостно съ премудростью ослиной,
За что и ждутъ его рогатки сатаны,
Лизанье сковородъ и свистъ, и шипъ змѣиный.
Готовы-бъ съѣсть Ослы, да все жъ боятся Льва,
И только издали они его лягали,
И даже ясно такъ звучали ихъ слова:
„Вамъ, Левъ неистовый, покаяться нельзя-ли?
Забудьте львиныя замашки и хулы,
Покайтесь, будетъ вамъ, подите-ка въ Ослы.
Кто знаетъ? Можетъ быть, чины бы получили"...
Когда же Льву прочли зловѣщую рацею,
То онъ сказалъ, махнувъ презрительно хвостомъ:
—„Здѣсь все написано ослинымъ языкомъ,
А я лишь понимать по львиному умѣю".

КЪ ВОПРОСУ О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.

(Изъ замѣтокъ и воспоминаній стараго народника).

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ пришлось присутствовать на рефератѣ одного изъ русскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ. Дѣло происходило въ рабочемъ кабачкѣ Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья подъ вывѣской „Серебрянаго Дьявола". Ораторъ знакомилъ слушателей съ исторіей русскаго революціоннаго движенія. Это былъ сжатый набросокъ нашихъ главнѣйшихъ революціонныхъ теченій, смѣнявшихъ одно другое за послѣднія 25 — 30 лѣтъ, при чемъ референтъ обнаружилъ основательное знакомство съ фактической стороной дѣла. Вообще это была интересная и продуманная рѣчь, производившая тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что она исходила отъ революціонера новаго поколѣнія, знакомаго съ первоначальными фазисами движенія не по личнымъ воспоминаніямъ, а въ значительной степени по печатнымъ или писаннымъ матеріаламъ. Основательное знакомство при такихъ условіяхъ съ нашимъ революціоннымъ прошлымъ будетъ, конечно, оцѣнено по достоинству всякимъ, кому извѣстно, какіе огромные пробѣлы замѣчаются въ этомъ отношеніи въ умственномъ багажѣ нашей революціонной молодежи, и какъ трудно ей заполнить эти пробѣлы при разбросанности и недостаточности имѣющейся въ ея распоряженіи революціонной литературы.

Меня особенно заинтересовала въ этомъ рефератѣ характеристика движенія 70-хъ годовъ, знакомаго мнѣ отчасти по личнымъ воспоминаніямъ. Такъ какъ со стороны референта эта характеристика являлась попыткой чисто объективнаго, теоретическаго выясненія причинъ и особенностей даннаго движенія, то здѣсь

представлялся, слѣдовательно, хорошій случай для провѣрки теоретическихъ выводовъ непосредственными впечатлѣніями и обратно.

Выводы референта, убѣжденнаго соціальдемократа, совпадали въ общемъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ основными теоретическими положеніями историко-экономической школы. Всѣ главнѣйшія особенности первоначальныхъ стадій русскаго революціоннаго движенія связывались въ его глазахъ съ причинами экономическаго характера и являлись прямымъ результатомъ недостаточнаго промышленнаго развитія дореформенной Россіи. Такъ, напр., ясно выраженный *соціалистическій* характеръ русскаго революціоннаго движенія, присущій ему до извѣстной степени еще со временъ декабристовъ, объяснялся въ рефератѣ слабымъ развитіемъ у насъ третьяго сословія въ западноевропейскомъ смыслѣ. Этимъ же объяснялся референтомъ и первоначальный личный составъ нашей революціонной партіи съ преобладаніемъ въ ней выходцевъ изъ дворянской и чиновнической среды, а также представителей нашей разночинной интеллигенціи. Та политическая роль, какую сыграла въ Западной Европѣ буржуазія, выпала у насъ, за отсутствіемъ послѣдней, на долю однихъ только идеологическихъ общественныхъ элементовъ. Съ другой стороны, въ силу той же самой экономической отсталости Россіи, почти все ея рабочее населеніе было занято земледѣльческимъ трудомъ: отсюда—неизбѣжное увлеченіе революціонеровъ крестьянской народной массой. Наконецъ, индифферентизмъ къ политикѣ и отрицательное отношеніе къ государству, увлеченіе проповѣдью Бакунина, какъ одна изъ особенностей нашего революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, выводились референтомъ опять-таки изъ отсутствія въ тогдашней Россіи городского пролетаріата, организованнаго крупной промышленностью, и изъ вытекавшей отсюда необходимости обратиться къ непосредственнымъ идеаламъ самого крестьянства, къ его общиннымъ и артельнымъ инстинктамъ, въ связи съ

предполагавшимся въ немъ враждебнымъ отношеніемъ къ государству.

Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, разумѣется, объясненіе, данное референтомъ революціонному движенію начала 70-хъ годовъ въ Россіи, со всѣмъ его горячимъ юношескимъ увлеченіемъ, съ его страстнымъ порывомъ къ сліянію съ народомъ и съ тѣмъ огромнымъ запасомъ революціонной энергіи, который оно, какъ извѣстно, обнаружило впослѣдствіи.

Это объясненіе, взятое само по себѣ, не лишено, конечно, извѣстнаго научнаго значенія, такъ какъ указываетъ на одну изъ крупныхъ особенностей въ условіяхъ русскаго общественнаго развитія, а, слѣдовательно, и на одну изъ причинъ того особаго характера, какой приняло у насъ революціонное движеніе. Но нельзя не видѣть, однако, что это объясненіе не охватываетъ собою всего поставленнаго вопроса. Оно отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ о томъ, почему первоначальное революціонное движеніе въ Россіи не было аналогично западноевропейскимъ революціоннымъ движеніямъ, и почему оно не развивалось у насъ согласно извѣстнымъ, опредѣленнымъ, заранѣе установленнымъ нормамъ,—нежели на вопросъ, почему вообще возникло въ Россіи революціонное движеніе въ тѣхъ своихъ конкретныхъ, жизненныхъ формахъ, которыя именно и должны были бы подлежать историческому объясненію. На вопросъ, почему данное революціонное движеніе получило такой-то личный составъ и приняло такое-то опредѣленное направленіе, намъ говорятъ лишь о томъ, почему это движеніе не могло имѣть того личнаго состава, какой имѣли революціонныя движенія въ Западной Европѣ, и почему оно не могло принять у насъ такого же или аналогичнаго имъ направленія. Но очевидно, что при подобномъ отвѣтѣ остаются все-таки невыясненными тѣ основныя внутреннія причины, которыми было вызвано данное революціонное движеніе въ странѣ со всѣми присущими ему особенностями.

Легко замѣтить, что историческія объясненія, подобныя вышеприведенному, всегда носили у насъ въ значительной степени чисто полемическій характеръ и преслѣдовали, главнымъ образомъ, чисто полемическія цѣли. Въ основѣ ихъ всегда лежало скрытое желаніе подтвердить извѣстный историческій тезисъ, согласно которому только одни революціонныя движенія, опирающіяся на промышленное развитіе и на вызванныя имъ классовыя общественныя силы, способны были бы имѣть дѣйствительно серьезное историческое значеніе. Если исходить изъ этого основного тезиса экономическаго матеріализма, то тогда очевидно, что уже одного простого указанія на очень слабо выраженный классовой характеръ революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ въ Россіи съ его смѣшаннымъ и неопредѣленнымъ личнымъ составомъ было бы достаточно, чтобы вполнѣ охарактеризовать это движеніе съ разсматриваемой точки зрѣнія и произнесть надъ нимъ тотъ суровый приговоръ, который еще не очень давно было принято произносить у насъ надъ первыми и самыми трудными стадіями нашей медленно развивавшейся революціонной борьбы. Но надо замѣтить, что въ данномъ случаѣ референтъ далеко не стоялъ на этой точкѣ зрѣнія: онъ вовсе не стремился доказать, что всѣ предшествовавшія стадіи революціоннаго движенія въ Россіи, вплоть до появленія у насъ соціальдемократической программы, были лишь одной сплошной исторической ошибкой. Напротивъ того, онъ исходилъ изъ основной мысли о преемственной связи соціальдемократическаго движенія въ Россіи со всѣми предшествовавшими стадіями нашей революціонной борьбы и имѣлъ въ виду установить въ своемъ рефератѣ именно эту преемственную связь, признавая тѣмъ самымъ постепенное накопленіе и суммированіе въ движеніи всѣхъ его предшествовавшихъ положительныхъ результатовъ. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что объясненіе, данное референтомъ, не охватывало собою тѣхъ именно сторонъ русскаго революціоннаго движенія 70-хъ

годовъ, которыми обусловливались его положительные результаты, а, слѣдовательно, и его преемственная связь со всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ объясненіи референта главную роль играло *отсутствіе* извѣстныхъ условій въ русской общественной жизни данной эпохи: отсутствіе крупной промышленности, отсутствіе буржуазіи, отсутствіе городского пролетаріата. Но ясно, что отсутствіемъ тѣхъ или другихъ условій въ общественной жизни данной страны не можетъ быть объяснено никакое революціонное движеніе. Если наличность городского пролетаріата можетъ служить объясненіемъ происхожденія въ странѣ революціоннаго движенія, то отсутствіе городского пролетаріата могло бы только служить объясненіемъ *отсутствія* революціоннаго движенія въ этой странѣ, а никакъ не того, что оно приняло въ ней то или другое направленіе. Для того, чтобы революціонное движеніе могло принять какое бы то ни было направленіе, необходимо, чтобы, помимо тѣхъ или другихъ отрицательныхъ признаковъ, оно обладало какими-нибудь положительными свойствами, какими-нибудь собственными внутренними силами, которыми и опредѣлялось бы его направленіе въ извѣстныхъ болѣе или менѣе тѣсныхъ рамкахъ, очерченныхъ для него его отрицательными признаками. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно ссылки референта на отсутствіе въ Россіи третьяго сословія, какъ классовой политической силы: одно это отсутствіе ни въ какомъ случаѣ не могло бы служить причиной появленія у насъ внѣ-классового революціоннаго движенія. Очевидно, что объясненія этого внѣ-классового движенія приходится искать въ другихъ сторонахъ общественной жизни, не охватываемыхъ процессомъ промышленнаго развитія.

По этому поводу здѣсь кстати будетъ припомнить оживленные и продолжительные теоретическіе дебаты, происходившіе въ карійской политической тюрьмѣ въ началѣ 1881 года, когда тамъ только-что встрѣтились

лицомъ къ лицу представители различныхъ революціонныхъ теченій. Карійская тюремная колонія была въ то время очень многолюдна. Кромѣ осужденныхъ на каторгу женщинъ, жившихъ въ отдѣльномъ зданіи (Армфельдъ, Ковалевская, Лешернъ, Кутитонская и Сарандовичъ), въ мужской политической тюрьмѣ помѣщалось тогда въ двухъ огромныхъ камерахъ стараго уголовнаго острога, на Средней Карѣ, около ста политическихъ ссыльныхъ, при чемъ большинство изъ нихъ недавно передъ тѣмъ прибыло изъ Россіи. Это были осужденные по харьковскимъ, одесскимъ и кіевскимъ процессамъ 1879 и 1880 гг.: Попко, Ѳомичевъ, Яцевичъ, Волошенко, Юркевичъ, Поповъ, Жуковъ и др.

Когда, осенью 1878 г., шестеро изъ осужденныхъ по процессу 193-хъ*) были привезены на Кару, они застали тамъ всего на всего только восьмерыхъ политическихъ ссыльныхъ**). Но вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, послѣдовали одинъ за другимъ крупные политическіе процессы въ разныхъ концахъ Россіи со многими смертными приговорами и большимъ числомъ осужденныхъ на каторгу; тогда стала быстро переполняться и наша карійская политическая тюрьма. Начинался второй періодъ въ развитіи политической драмы 70-хъ годовъ. Послѣ процесса 193-хъ, закончившаго собою первый періодъ, революціонное движеніе, какъ извѣстно, рѣзко измѣнило свой первоначальный характеръ: та скрытая революціонная энергія, которая съ самаго начала таилась въ этомъ движеніи, несмотря на его мирныя, повидимому, внѣшнія формы, стала проявляться тогда съ неудержимою силою и съ чисто революціонной, такъ сказать, логикой, т. е. не останавливаясь ни

*) Чарушинъ, Синегубъ, Союзовъ, Тимофей Квятковскій, Брешковская, Шишко. Остальные изъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ (Мышкинъ, Войнаральскій, Рогачевъ, Коваликъ и Сажинъ) были отправлены въ харьковскія центральныя тюрьмы.

**) Успенскій, Евг. Семяновскій, Ст. Богдановъ, Бибергаль, Терентьевъ, Тефтулъ, Зах. Богдановъ и А. Кузнецовъ, уже жившій тогда впрочемъ на положеніи полу-свободнаго человѣка.

передъ какими препятствіями, не сравнивая и не соразмѣряя своихъ силъ съ силами противника. Несмотря на многочисленные аресты, начавшіеся еще съ осени 1873 года, когда были выхвачены изъ движенія такіе видные дѣятели, какъ Синегубъ, Л. Тихомировъ, Чарушинъ, Кропоткинъ, Купреяновъ и нѣкоторые изъ лучшихъ петербургскихъ рабочихъ, несмотря на массовые аресты лѣта 1874 года и на разгромъ всей организаціи Московскаго кружка въ 1875-76 гг., революціонное движеніе начала 70-хъ годовъ не только не было подавлено тогда этими первыми нанесенными ему ударами, но, напротивъ того, именно послѣ этихъ первыхъ ударовъ оно и развернуло всѣ таившіяся въ немъ внутреннія силы, при чемъ необходимо замѣтить, что оно попрежнему черпало свои главныя силы изъ того же самого общественнаго слоя, какъ и въ первую половину 70-хъ годовъ, сохраняя даже въ значительной степени свой прежній личный составъ*).

Теперь спрашивается, чѣмъ же объяснялся этотъ огромный запасъ революціонной энергіи, накопившійся въ извѣстномъ слоѣ русскаго общества къ началу 70-хъ годовъ, и въ чемъ надо было бы видѣть причину того страннаго, на первый взглядъ, явленія, что множество людей, вышедшихъ въ большинствѣ случаевъ изъ дворянской и чиновнической среды, были охвачены тогда у насъ революціонными и соціалистическими стремленіями?

Вотъ этотъ именно вопросъ и дебатировался въ карійской политической тюрьмѣ въ тѣхъ спорахъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Въ этихъ спорахъ сразу же обнаружились два главныя теоретическія теченія,

*) Вотъ далеко, какъ я думаю, неполный списокъ революціонеровъ, игравшихъ выдающуюся роль въ обоихъ фазисахъ движенія 70 хъ годовъ: Перовская, Желябовъ, Кравчинскій, Лизогубъ, Попко, Ковалевская, Зунделевичъ, Тихомировъ, Кибальчичъ, Саблинъ, Фроленко, Ольга Любатовичъ, Морозовъ, Грачевъ, Г. Гельфманъ, Лешернъ, С. Иванова, Т. Лебедева, Якимова, Лангансъ, Ю. Богдановичъ, А. Соловьевъ, Чикоидзе, П. Орловъ.

изъ которыхъ одно носило явно-марксистскій характеръ. Сильнѣйшимъ представителемъ этого теченія былъ В., человѣкъ большихъ умственныхъ способностей и выдающійся діалектикъ. Это былъ первый „марксистъ", встрѣченный мною въ революціонной средѣ. Прямо ссылаясь на Маркса, онъ строго проводилъ тогда во всѣхъ своихъ выводахъ экономическую точку зрѣнія и искалъ въ основѣ всѣхъ историческихъ явленій экономическую подкладку. Такую именно экономическую основу находилъ онъ и въ данномъ случаѣ, когда старался выяснить причину того общественнаго настроенія и тѣхъ общественныхъ свойствъ русской молодежи, которыя обнаружились въ ней еще съ начала 60-хъ годовъ, въ противоположность, напр., нѣмецкому студенчеству съ его чисто буржуазной, филистерской окраской. Причина эта заключалась, по его мнѣнію, въ довольно жалкомъ матеріальномъ положеніи русскаго дворянства и чиновничества и въ той довольно жалкой роли, какую они испоконъ вѣковъ играли въ русскомъ государствѣ, — тогда какъ въ Германіи, напр., юнкерство всегда составляло гораздо болѣе замкнутое и привилегированное сословіе, а учащаяся молодежь принадлежала и до сихъ поръ принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ къ очень зажиточному бюргерству. Всякое общественное настроеніе — такъ говорилъ приблизительно В. — вызывается матеріальными интересами того или другого класса; въ основѣ нашихъ возвышенныхъ стремленій всегда лежитъ экономическая общественная подкладка. Люди — продуктъ данныхъ общественныхъ, т. е. преимущественно экономическихъ условій. При этомъ, въ видѣ иллюстраціи, онъ цитировалъ извѣстное обращеніе Пушкина къ портрету Чаадаева:

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
У насъ—онъ офицеръ гусарскій.

Итакъ, настоящей исторической причиной и, такъ сказать, безсознательнымъ мотивомъ революціоннаго настроенія русской молодежи являлось, согласно этому взгляду, недовольство своимъ матеріальнымъ положеніемъ того общественнаго слоя, изъ котораго она исходила. На этой исторической почвѣ выростала потомъ революціонная идеологія: народолюбіе, соціализмъ и прочее.

Читатель видитъ, что это объясненіе революціоннаго движенія 70-хъ годовъ даже нѣсколько ближе подходитъ къ его первоначальному источнику, чѣмъ чисто-отрицательная мотивировка соціальдемократической школы. Здѣсь уже указывается непосредственная причина движенія, — революціонное настроеніе даннаго общественнаго слоя, — а затѣмъ указывается также и основная причина этого настроенія, — экономическое положеніе русскаго дворянства и русской интеллигенціи вообще. Это было примѣненіе теоріи экономическаго матеріализма къ обществу, еще находившемуся въ промышленномъ застоѣ, при отсутствіи въ немъ тѣхъ революціонныхъ факторовъ, которые вызываются экономическимъ развитіемъ страны. Въ такомъ именно положеніи находилась Россія передъ крестьянской реформой 1861 г. и въ первое десятилѣтіе послѣ этой реформы. Промышленное развитіе еще только-что возникало тогда въ Россіи: пролетаріата и буржуазіи практически еще не существовало. А между тѣмъ революціонное движеніе уже началось; и вотъ марксистъ 70-хъ годовъ искалъ для него объясненія въ безсознательномъ недовольствѣ своимъ матеріальнымъ и политическимъ положеніемъ русскаго средняго класса.

Позднѣе, находясь уже въ Томскѣ, въ 1887-88 гг., я столкнулся со сторонниками эволюціоннаго экономическаго матеріализма въ его примѣненіи къ русскому революціонному движенію. Здѣсь еще ярче выступали впередъ всѣ сильныя стороны этой теоріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она все также плохо мирилась съ русской дѣйствительностью и съ такимъ же трудомъ укладывалась въ рамки русскаго революціоннаго міросозерцанія, почему и вызывала повсюду самые ожесточенные споры.

Уже не разъ обращалось у насъ вниманіе на то

обстоятельство, что ни въ одной изъ промышленныхъ западноевропейскихъ странъ, ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи, теоретическіе споры объ исключительной роли объективныхъ экономическихъ факторовъ въ процессѣ исторіи никогда не принимали такихъ грандіозныхъ размѣровъ, не получали такого важнаго общественнаго значенія и не волновали такъ глубоко общественныхъ чувствъ, какъ именно у насъ въ Россіи. Это должно указывать, повидимому, на извѣстную зависимость самой этой экономической теоріи отъ объективныхъ условій общественной жизни, на бо́льшую или меньшую примѣнимость этой теоріи къ той или другой странѣ, къ тому или другому историческому моменту, т. е. другими словами, на ея относительность, на ея неполноту и односторонность въ смыслѣ универсальной и всеобъемлющей исторической концепціи.

Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что въ дѣйствительности составъ общественныхъ и революціонныхъ движеній сложнѣе, чѣмъ какимъ онъ представляется по теоріи борьбы классовъ съ промышленнымъ развитіемъ въ качествѣ основного историческаго двигателя. Предположите, что кромѣ этого двигателя, несомнѣнно играющаго первостепенную роль въ извѣстные историческіе моменты, существуетъ, по меньшей мѣрѣ, еще одна болѣе или менѣе дифференцированная общественная сила въ формѣ накопленной идейной и эмоціональной энергіи, воплощенной въ психикѣ сравнительно немногихъ индивидовъ, являющихся какъ бы носителями историческаго прогресса. Самъ по себѣ фактъ существованія такого рода выдающихся представителей революціонной мысли и революціоннаго чувства не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Но весь вопросъ въ томъ, являются-ли они, эти идейные носители прогресса, продуктомъ особыхъ условій, особыхъ историческихъ факторовъ; или же, напротивъ того, они сами вызываются, такъ сказать, попутно тѣмъ же экономическимъ процессомъ, который влечетъ за собой крупныя экономическія пертурбаціи и создаетъ въ концѣ концовъ условія, благопріятствующія массовому революціонному движенію. Сторонники экономическаго матеріализма утверждаютъ послѣднее, и въ этомъ сведеніи всего къ одному фактору, въ этомъ упрощеніи историческаго процесса, въ этомъ *монизмѣ* они видятъ главную заслугу своей теоріи, тогда какъ именно этотъ монизмъ и составляетъ, по нашему мнѣнію, ея самое слабое мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе быть универсальной и всеобъемлющей заставляетъ разсматриваемую революціонную теорію подводить подъ одинъ общій законъ, подчиняющій общественныя движенія извѣстному объективному фактору, весь сложный личный составъ этихъ движеній, несмотря на господствующіе рѣзкіе контрасты въ жизненныхъ условіяхъ различныхъ слоевъ современнаго общества, а, слѣдовательно, и на вытекающее отсюда разнообразіе въ психикѣ отдѣльныхъ индивидовъ и группъ и въ мотивахъ, руководящихъ ихъ общественною дѣятельностью. Мы знаемъ, конечно, что экономическій матеріализмъ не отрицаетъ психическаго фактора; мы знаемъ, что ему не разъ самому приходилось торжественно заявлять объ этомъ. Но вѣдь, съ другой стороны, и противники экономическаго матеріализма никогда не думали отрицать значенія объективныхъ условій и никогда не думали освобождать изъ-подъ власти этихъ условій такъ называемые *идеологическіе* элементы. Они утверждали только, что форма или, если хотите, формула этого подчиненія не можетъ быть одинакова для всего сложнаго личнаго состава общественныхъ движеній. Въ этомъ именно смыслѣ они и являются противниками революціоннаго экономическаго монизма.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое революціонное движеніе представляетъ собою реакцію человѣка на окружающія его общественныя условія или, иными словами, продуктъ вліянія окружающей среды на человѣческую психику. Это общая исходная точка какъ

сторонниковъ, такъ и противниковъ экономическаго матеріализма; но затѣмъ начинается спорная почва. Теорія революціонныхъ движеній, построенная на развитіи производительныхъ силъ, вся содержится въ томъ предположеніи, что для того, чтобы извѣстный соціальный принципъ, лежащій въ основѣ даннаго общественнаго строя, вызвалъ революціонное движеніе, необходимо, чтобы этотъ принципъ достигъ своего болѣе или менѣе полнаго развитія и обнаружился въ своихъ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ преимущественно экономическаго характера, сплачивая и организуя при этомъ извѣстные общественные элементы; такимъ образомъ эта теорія очевидно построена на опредѣленномъ уровнѣ умственнаго и эмоціональнаго развитія человѣка, а именно на томъ его уровнѣ, при которомъ для пробужденія людей къ общественной жизни требуются *особаго* рода внѣшнія воздѣйствія. Но такъ какъ степень умственной и эмоціональной воспріимчивости людей, живущихъ въ одномъ и томъ же обществѣ, далеко не одинакова, то ясно, что уже въ силу одного этого область примѣненія разсматриваемой революціонной теоріи должна быть введена въ извѣстныя, опредѣленныя рамки.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не знаемъ, какая идейная пропасть часто раздѣляетъ людей, связанныхъ, такъ сказать, исторически одними и тѣми же интересами, и какія трагическія положенія создаются иногда въ силу именно этого? Одинъ изъ примѣровъ такого трагическаго положенія, хорошо иллюстрирующій затронутый нами вопросъ, мы можемъ привести изъ исторіи великой французской революціи.

Извѣстно, что въ эпоху Директоріи, вслѣдъ за гибелью всѣхъ вождей демократической партіи, въ то время какъ Бонапартъ, путемъ цѣлаго ряда государственныхъ переворотовъ, разрушалъ многое изъ того, что было создано революціей, парижскіе рабочіе, охваченные патріотизмомъ, принявшимъ тогда у французовъ форму простого шовинизма, въ высшей степени

благосклонно относились ко всему происходившему и привѣтствовали новаго императора.

Съ другой стороны, какъ разъ въ это самое время (9-го преріаля XII) парижская полиція доносила о захваченной ею рукописи „Esquisse d'un nouveau plan d'organisation sociale", авторомъ которой былъ Сэнъ-Симонъ. „Появленіе этой рукописи въ такой моментъ, — замѣчаетъ Оларъ (A. Aulard) въ своей „Histoire politique de la Révolution française" (стр. 767), — показываетъ, до какой степени этотъ мыслитель опередилъ свое время. Въ тотъ моментъ, когда онъ подвергалъ критикѣ существующій порядокъ и ставилъ соціальный вопросъ, парижскіе рабочіе были вполнѣ довольны своей судьбой, довольны общественнымъ строемъ и съ восторгомъ относились къ Наполеону".

Но еще болѣе рѣзкій контрастъ обнаружился въ данномъ случаѣ въ связи съ заговоромъ Бабёфа.

Извѣстно, что члены общества „Равныхъ" вполнѣ усвоили себѣ въ ту эпоху точку зрѣнія такъ называемаго утопическаго соціализма. Они говорили въ своихъ манифестахъ объ обязанности каждаго трудиться и о преступленіи богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ. „Цѣль революціи — писали они — уничтожить неравенство и возстановить общее счастье. — Революція не закончена, потому что богатые присваиваютъ всѣ продукты и пользуются исключительною властью, тогда какъ бѣдные работаютъ, какъ невольники, и ничего не значатъ въ государствѣ. — Мы имѣемъ въ виду нѣчто высшее и болѣе справедливое, чѣмъ раздѣлъ земель, а именно — *общее имущество* или *общность имуществъ*. Не должно быть личной собственности на землю: *земля не принадлежитъ никому*. — Все то, чѣмъ обладаютъ люди свыше приходящейся на ихъ долю части изъ общественнаго достоянія, составляетъ хищеніе и узурпацію". (Ibid., стр. 629 – 630).

Вотъ какъ, слѣдовательно, отразилось тогда въ общественномъ міросозерцаніи бабувистовъ соціальное положеніе Франціи той эпохи. А какъ оно отразилось

въ общественномъ міросозерцаніи парижскихъ рабочихъ, видно изъ того, что они совершенно не поняли новаго движенія и остались совершенно равнодушными къ смертному приговору, произнесенному надъ главными изъ заговорщиковъ, хотя читали ихъ манифесты и памфлеты.

„Парижскіе рабочіе не волновались, — говоритъ по этому поводу Оларъ; — Бабёфъ никогда не пользовался тою популярностью, какою пользовался, напр., Маратъ, а возможно даже, что и вовсе не пользовался популярностью. Его болѣе или менѣе слушали, когда онъ говорилъ языкомъ II-го года, когда онъ хотѣлъ обезпечить обиліе съѣстныхъ припасовъ террористическими мѣрами, когда онъ громилъ Директорію. Какъ политическій писатель, онъ нравился; какъ соціалистъ, онъ, повидимому, вызывалъ только одно удивленіе". (Ibid., стр. 632).

Для того, чтобы парижскіе рабочіе достигли того пониманія своего положенія, какого они достигли примѣрно къ 1848 году, и какое соотвѣтствовало приблизительно точкѣ зрѣнія бабувистовъ, необходимо было, чтобы соціальный принципъ, лежавшій въ основѣ этого ихъ положенія, достигъ болѣе полнаго своего проявленія путемъ развитія производительныхъ силъ, и, согласно разсматриваемой революціонной теоріи, обнаружился въ извѣстныхъ перемѣнахъ экономическаго характера. Но этой необходимости, какъ мы видимъ, не существовало для людей другой категоріи, иначе отражавшихъ на себѣ вліяніе окружающихъ условій. Между тѣмъ эти люди, несомнѣнно, также играли извѣстную и даже значительную роль въ революціонной исторіи.

Изъ этого примѣра легко видѣть, въ чемъ заключаются та неполнота и та односторонность монистической революціонной теоріи, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь: эта теорія не можетъ охватить одновременно всѣхъ составныхъ элементовъ революціоннаго движенія или, лучше сказать, она не охватываетъ тѣхъ изъ его составныхъ элементовъ, которые выступаютъ на революціонную сцену ранѣе устанавливаемаго ею критическаго момента. А не будучи въ состояніи охватить эти элементы, она необходимо стремится умалить или свести на нѣтъ ихъ революціонное значеніе. Это — прямое послѣдствіе ея *монистическаго* характера. Она не можетъ избѣгнуть того силлогизма, который скрывается въ ея основной посылкѣ: всякое революціонное движеніе есть продуктъ развитія производительныхъ силъ съ вытекающими отсюда послѣдствіями (концентраціей капиталовъ, процессомъ обезземеленія и т. д.); а такъ какъ всѣ такъ называемые идеологическіе элементы революціонныхъ движеній трудно было бы подвести подъ дѣйствіе этихъ экономическихъ перемѣнъ, — тѣмъ болѣе, что они выступаютъ на сцену раньше этихъ послѣднихъ, — то, слѣдовательно, они не могутъ оказывать существенное вліяніе на ходъ революціонныхъ событій. Таковъ неизбѣжный логическій выводъ изъ разсматриваемой нами теоріи; отказаться отъ него значило бы очевидно отказаться отъ самой теоріи.

Этимъ объясняется весьма пренебрежительное и, такъ сказать, *наполеоновское* отношеніе этой теоріи къ идеологіи и идеологамъ*), а также ея стремленіе связать

*) Извѣстно, что Наполеонъ I презрительно называлъ *идеологами* ненавистныхъ ему республиканцевъ. Примѣры пренебрежительнаго отношенія къ идеологіи легко найти также и въ нашей соціальдемократической литературѣ. Въ настоящую минуту у меня подъ рукой „Историческій очеркъ нашихъ порядковъ" Мартынова, — соціальдемократическое изданіе, предназначенное для болѣе или менѣе развитыхъ рабочихъ. Въ общемъ, это — очень серьезно и дѣльно написанная брошюра. Но она тѣмъ не менѣе носитъ на себѣ извѣстный специфическій отпечатокъ. Такъ, на тѣхъ страницахъ, гдѣ выясняется роль дворянской интеллигенціи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, она вся проникнута стремленіемъ вызвать презрительное отношеніе къ „проснувшейся дворянской совѣсти 40 хъ годовъ". Для характеристики этой проснувшейся совѣсти, разсказывается о Хомяковѣ, написавшемъ либеральный „стишокъ" и все-таки не освободившемъ своихъ крѣпостныхъ; о Тургеневѣ, также отпустившемъ на волю только однихъ дворовыхъ; о Толстомъ, державшемъ своихъ крестьянъ въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ сосѣдніе помѣщики; объ

во что бы то ни стало происхожденіе идеологическихъ элементовъ революціонныхъ движеній съ какими-нибудь экономическими факторами,—въ родѣ, напр., объясненія революціоннаго настроенія русской молодежи 70-хъ годовъ жалкимъ экономическимъ положеніемъ русскаго дворянства, или пріурочиванія соціалистическихъ идей и революціонныхъ эмоцій идеологовъ-революціонеровъ 1848 г. къ политическому недовольству мелкой французской буржуазіи, носившемуся, такъ сказать, въ воздухѣ и *незамѣтно для людей* проникавшему собою, по словамъ Бельтова, всѣ идеологическія надстройки той эпохи.

Всѣ эти явныя натяжки прямо обусловлены извѣстной предвзятой идеей. Для того, чтобы избѣжать ихъ, необходимо было бы отказаться пока отъ попытки *монистическаго* объясненія сложныхъ явленій общественной жизни, т. е. необходимо было бы прежде всего признать эту сложность. При чемъ, какъ мы уже имѣли случай это замѣтить, такъ называемый *объективизмъ* и научность въ пониманіи исторіи не только не пострадали бы отъ этого, а, напротивъ того, значительно выиграли бы.

Не трудно видѣть въ самомъ дѣлѣ, что объясненіе появленія въ 1804 г. *Новаго плана соціальной организаціи* Сэнъ-Симона или въ 1796 году бабувистовъ прямымъ вліяніемъ окружавшей дѣйствительности на немногія исключительныя натуры, развивавшіяся при томъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ такой же степени объективно, какъ и объясненіе массового революціоннаго

Огаревѣ, переведшемъ своихъ крѣпостныхъ въ вольные хлѣбопашцы на весьма тяжелыхъ условіяхъ. — Не говоря уже о томъ, что, ради историческаго безпристрастія, авторъ могъ бы привести также и примѣры болѣе яркихъ представителей проснувшейся дворянской совѣсти, легко видѣть, что онъ незамѣтно для себя переходитъ здѣсь съ исторической почвы на почву личной морали. Личные изъяны этихъ „дворянъ писателей“ не могли, конечно, помѣшать ихъ произведеніямъ имѣть большое значеніе въ развитіи русской общественной мысли, а, слѣдовательно, и въ осуществленіи крестьянской реформы.

настроенія парижскихъ рабочихъ въ 1848 г. вліяніемъ на нихъ той же окружающей дѣйствительности, но только принявшей тогда болѣе развитыя и рѣзкія формы. Не трудно видѣть, что вся разница здѣсь заключается только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ пониманіе окружающей дѣйствительности и революціонное отношеніе къ ней были вызваны тѣснымъ кругомъ болѣе непосредственныхъ впечатлѣній, тогда какъ въ первомъ случаѣ кругъ воспріятій былъ гораздо шире, а воспріимчивость гораздо развитѣе. Въ одномъ случаѣ преобладающую роль играли впечатлѣнія болѣе идейнаго характера: знакомство съ исторіей, естественныя науки, общія картины народной жизни и т. д., — т. е. та же объективная дѣйствительность, но только охваченная въ гораздо болѣе широкихъ рамкахъ; въ другомъ случаѣ рѣшающую роль играло вліяніе экономической обстановки, непосредственно окружающей самого человѣка, непосредственно соприкасающейся съ нимъ, — т. е. болѣе сильныя и рѣзкія впечатлѣнія, но заключенныя въ небольшомъ сравнительно районѣ. Но очевидно, что въ томъ, что касается собственно объективизма, оба эти явленія ничѣмъ не отличаются въ концѣ концовъ одно отъ другого: оба они — продуктъ вліянія внѣшней среды на человѣческую психику. Почему, въ самомъ дѣлѣ, факты, извѣстные, напр., изъ лѣтописей и другихъ историческихъ документовъ, или факты, собранные статистикой и суммированные въ ея итогахъ, можно было бы назвать менѣе объективными, чѣмъ тѣ внѣшнія условія, которыя окружаютъ рабочаго на крупной мануфактурѣ? Почему перваго рода явленія, окружающія данное лицо и входящія въ составъ *его* внѣшней среды, представляютъ собою менѣе объективный факторъ исторіи, чѣмъ второго рода явленія? И почему для научнаго и объективнаго пониманія исторіи надо было бы принимать во вниманіе вліяніе на человѣческую психику лишь объективныхъ условій этой второй категоріи?

Мы видимъ, слѣдовательно, что только въ силу из-

вѣстнаго теоретическаго предубѣжденія на такъ называемые идейные мотивы революціонныхъ движеній принято смотрѣть, какъ на какія-то блѣдныя тѣни, какъ на отраженное вліяніе тѣхъ же самихъ экономическихъ факторовъ, какими пробуждаются къ жизни массовые элементы революціонныхъ движеній. Болѣе безпристрастный и объективный анализъ заставляетъ признать, что появленіе этихъ идейныхъ мотивовъ и идеологическихъ элементовъ общественныхъ движеній обусловливается не какимъ-то таинственнымъ и *незримымъ для людей* вліяніемъ носящихся въ воздухѣ экономическихъ тенденцій, а прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ самой окружающей дѣйствительности. Соотвѣтственно рѣзкому различію въ психикѣ отдѣльныхъ лицъ и группъ при современныхъ соціальныхъ условіяхъ, окружающая объективная дѣйствительность вырабатываетъ двѣ болѣе или менѣе дифференцированныя категоріи революціонныхъ элементовъ: идеологическую и массовую; при чемъ въ исторіи всякаго революціоннаго движенія, всегда связаннаго съ борьбою противъ того или другого господствующаго соціальнаго принципа, идеологическіе элементы этого движенія появляются *ранѣе* массовыхъ, такъ какъ появленіе ихъ не обусловлено необходимостью болѣе или менѣе полнаго развитія этого соціальнаго принципа, болѣе или менѣе полнаго внѣшняго проявленія его въ условіяхъ общественной жизни.

Этою сложностью, этою, такъ сказать, двойственностью революціоннаго процесса, особенно въ его начальныхъ стадіяхъ, объясняется и тотъ ожесточенный характеръ, какой получили именно у насъ въ Россіи споры, вызванные соціальдемократической революціонной теоріей, въ то время какъ, напр., въ Германіи или во Франціи эта теорія охотно принимается всѣми революціонными фракціями.

Дѣло въ томъ, что въ силу неодинаковаго происхожденія и неодновременнаго выступленія на сцену тѣхъ болѣе или менѣе дифференцированныхъ составныхъ

элементовъ революціоннаго движенія, которые мы для краткости назвали идеологическимъ и массовымъ, каждый изъ нихъ можетъ играть въ данное время болѣе или менѣе преобладающую роль, въ зависимости отъ данныхъ историческихъ условій.

Когда появилась соціальдемократическая теорія общественныхъ движеній, то въ Западной Европѣ на общественную сцену уже выступилъ въ преобладающей роли массовой элементъ, объясненію происхожденія котораго именно и соотвѣтствовала эта теорія; а потому между нею и западноевропейскою революціонною дѣйствительностью не оказалось тогда большихъ разногласій. Совсѣмъ не то у насъ въ Россіи. Россія еще и до сихъ поръ находится на той стадіи революціоннаго развитія, когда массовой элементъ въ ней только что еще выступаетъ на сцену и когда, вслѣдствіе этого, особенно важную роль въ ней играетъ идеологическій элементъ революціоннаго движенія, т. е. тотъ именно элементъ, который не укладывается въ рамки соціальдемократической теоріи. Отсюда этотъ рѣзкій конфликтъ въ теоретической области, вполнѣ соотвѣтствующій разногласію между данною революціонною теоріею и нашей революціонной дѣйствительностью.

Къ этому присоединилась еще одна очень важная причина. Соціальдемократическая теорія приспособлена, какъ извѣстно, преимущественно къ условіямъ городской промышленности, между тѣмъ какъ въ Россіи преобладающую роль играетъ земледѣльческое производство; отсюда — новое столкновеніе между теоріей и дѣйствительностью. Впрочемъ въ Западной Европѣ также возникаетъ теперь столкновеніе на этой почвѣ, и мы касаемся здѣсь этого вопроса только мимоходомъ.

Возвращаясь къ прерванной темѣ нашей статьи, мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о томъ, что же такое представляло собою въ концѣ концовъ наше революціонное движеніе 70-хъ годовъ съ точки зрѣнія революціонной теоріи? Чѣмъ объясняется его проис-

хожденіе, и какое значеніе оно имѣло въ нашей революціонной исторіи?

Говоря о происхожденіи революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, референтъ, рѣчь котораго послужила поводомъ къ нашей замѣткѣ, указывалъ на связь, какую имѣло это движеніе съ возникшимъ тогда въ Западной Европѣ международнымъ рабочимъ движеніемъ и главнымъ образомъ съ его анархическимъ теченіемъ, какъ болѣе соотвѣтствовавшимъ, по его словамъ, странѣ, отсталой въ промышленномъ отношеніи.

Связь революціоннаго движенія 70-хъ годовъ съ западноевропейскимъ соціализмомъ, конечно, существовала и не можетъ подлежать сомнѣнію; но намъ кажется, что она имѣла менѣе прямой и непосредственный характеръ, чѣмъ какой былъ приписанъ ей въ рефератѣ.

Что касается собственно анархическихъ или, вѣрнѣе, бакунистскихъ идей, то онѣ только придали окончательную форму революціонному движенію 74-го года, проникнувъ въ Россію лишь зимою 1873-74 года въ видѣ сборника статей Бакунина „Государственность и Анархія", а также черезъ посредство представителей нѣкоторыхъ кружковъ, ѣздившихъ заграницу для личнаго свиданія съ Бакунинымъ.

Но ясно, что для того, чтобы русскіе революціонные кружки могли отразить на себѣ въ теченіе очень короткаго промежутка времени революціонныя идеи международнаго рабочаго движенія или анархическія идеи Бакунина, они должны были уже быть подготовленными къ этому заранѣе; они должны были еще ранѣе того возникнуть и развиться на русской почвѣ, подъ вліяніемъ русскихъ условій, русской общественной жизни. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что таково было первоначальное происхожденіе революціонныхъ кружковъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Никакое идейное вліяніе Бакунина, относившееся, къ тому же, скорѣе къ области революціонной тактики, не могло сравниться по своей силѣ и продолжительности съ тѣмъ вліяніемъ, какое было оказано на русскую молодежь конца 60-хъ годовъ сочиненіями Чернышевскаго и Добролюбова, поэзіей Некрасова, книгою Флеровскаго, „Историческими письмами" Лаврова и т. д.,—вмѣстѣ съ нѣкоторыми переводными сочиненіями. Изъ послѣднихъ наибольшее вліяніе имѣли тогда, какъ я думаю, романы Шпильгагена и сочиненія Лассаля. „Капиталъ" Маркса былъ еще мало извѣстенъ въ то время широкому кругу читателей, хотя я помню, что Кравчинскій, напр., изучалъ его на нѣмецкомъ языкѣ въ 1870 году, въ Артиллерійскомъ училищѣ. Первый переводъ „Капитала" появился у насъ, какъ извѣстно, въ 1872 г.

Вообще говоря, распространеніе соціалистическихъ идей въ Россіи было тѣсно связано съ нашей публицистикой 60-хъ годовъ, съ борьбою нашихъ нарождавшихся тогда политическихъ партій, съ обсужденіемъ въ нашей текущей печати самыхъ жгучихъ вопросовъ русской общественной жизни. Поэтому западноевропейскій соціализмъ перешелъ къ намъ, какъ теорія, не въ видѣ простыхъ переводовъ и популяризацій, а, въ значительной степени, въ видѣ самостоятельной и часто глубокой критики буржуазныхъ основъ экономическаго и политическаго строя идейными руководителями русскаго общества. Во главѣ этихъ проводниковъ западноевропейскаго соціализма въ русское общественное міросозерцаніе стоялъ такой первоклассный мыслитель, какъ Чернышевскій, примѣчанія котораго къ Миллю, статьи по вопросу объ общинномъ землевладѣніи или статьи объ Іюльской монархіи имѣли самостоятельное научное значеніе и создали, можно сказать, особую русскую школу научнаго соціализма*). Вмѣстѣ съ тѣмъ передовая литература 60-хъ годовъ, благода-

*) Одинъ изъ ссыльныхъ 60-хъ годовъ, часто бесѣдовавшій въ нерчинской тюрьмѣ съ Чернышевскимъ, разсказывалъ мнѣ, что послѣдній не придавалъ Марксу того значенія, которое обычно придается въ соціалистической средѣ, и сильно нападалъ на туманную форму его изложенія. Со стороны Чернышевскаго такое отношеніе къ Марксу не можетъ считаться непростительной дерзостью.

ря глубоко проникавшему ее революціонному и демократическому настроенію по отношенію къ русской общественной жизни, оказывала огромное *воспитательное* вліяніе на нарождавшуюся тогда русскую интеллигенцію. Вотъ почему мы имѣли право сказать, что революціонное движеніе начала 70-хъ годовъ, даже въ своей чисто теоретической основѣ, возникло не подъ непосредственнымъ вліяніемъ западноевропейскаго соціалистическаго движенія, а было подготовлено идейными вліяніями, выросшими на русской почвѣ; въ томъ же, что касалось собственно его эмоціональной подкладки, это движеніе, несомнѣнно, питалось, главнымъ образомъ, также впечатлѣніями русской дѣйствительности. Оно было проникнуто еще свѣжими тогда и глубоко волновавшими всѣхъ воспоминаніями о жертвахъ реакціи 60-хъ годовъ, о гибели Михайлова и Чернышевскаго, о революціонныхъ организаціяхъ, возникшихъ при освобожденіи крестьянъ и окруженныхъ тогда въ нашихъ глазахъ какою-то особою таинственностью; оно, несомнѣнно, находилось также подъ сильнымъ впечатлѣніемъ окружавшихъ его народныхъ бѣдствій. Этотъ послѣдній мотивъ, двигавшій всею революціонною литературою 60-хъ годовъ, быть можетъ, и былъ наиболѣе рѣшающимъ эмоціональнымъ мотивомъ всего движенія.

Но тѣмъ не менѣе идейная связь русскаго революціоннаго движенія съ западноевропейскимъ соціализмомъ и вообще съ западноевропейской общественной наукой и политической исторіей была самая тѣсная и глубокая, и Россія получила въ этомъ случаѣ огромное духовное наслѣдство отъ западноевропейской исторіи. Эта передача идейнаго богатства, созданнаго при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, въ извѣстной матеріальной обстановкѣ, въ другую страну, стоявшую въ совсѣмъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, уже сама по себѣ подтверждаетъ защищаемое нами мнѣніе о сравнительной независимости идеологическаго элемента революціонныхъ движеній отъ

экономическихъ факторовъ, подчиняющихъ своему вліянію массовую жизнь даннаго общества. Россія 60-хъ годовъ была еще очень далека отъ тѣхъ соціальныхъ условій, которыя создаются крупной промышленностью въ сколько-нибудь развитомъ состояніи; появленіе въ Россіи пролетаріата еще только предсказывалось тогда Чернышевскимъ въ его статьяхъ объ общинномъ землевладѣніи; систематическое насажденіе капитализма государствомъ только-что начиналось тогда и еще не успѣло принести своихъ плодовъ; о проявленіяхъ классового самосознанія городскихъ рабочихъ, даже въ Петербургѣ, еще не могло быть тогда и рѣчи. Даже позднѣе, въ 1873 году, когда на нѣкоторыхъ большихъ петербургскихъ фабрикахъ уже возникли рабочіе кружки подъ вліяніемъ революціонной пропаганды, лучшіе изъ представителей этихъ кружковъ заговорили сами о необходимости идти въ деревню и искать опоры для революціоннаго движенія въ крестьянствѣ. Одинъ изъ наиболѣе развитыхъ заводскихъ рабочихъ ушелъ тогда съ завода и сталъ готовиться въ сельскіе учителя; другой выдающійся рабочій (Григорій Крыловъ) также ушелъ тогда съ фабрики, увлеченный примѣромъ эркманъ шатріановскаго Шовеля, и сталъ продавать народныя книжки. Словомъ, развитіе производительныхъ силъ въ Россіи даже въ 70-хъ годахъ было еще настолько незначительно, что никому бы не могло въ то время прійти въ голову построить русское революціонное движеніе на городскомъ пролетаріатѣ. А между тѣмъ еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ господствующимъ революціоннымъ теченіемъ въ средѣ нашей революціонной интеллигенціи было именно соціалистическое, при чемъ эта идейная основа всего движенія была такъ прочно заложена тогда, что въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, несмотря на многія неудачи и на тяжелыя разочарованія, отъ нея не было ни малѣйшаго отступленія. Конечно, эта идейная основа поддерживалась тогда всей окружавшей русской дѣйствительностью, поддерживалась неотразимыми

впечатлѣніями русской народной жизни. Но во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ еще не было тогда того специфическаго характера, который обусловливается промышленнымъ развитіемъ страны и къ которому принято спеціально пріурочивать соціалистическую идейную надстройку. Это было просто отраженіе въ психикѣ извѣстной категоріи лицъ окружавшихъ ихъ народныхъ бѣдствій, вмѣстѣ съ глубокимъ пониманіемъ ихъ основной причины;—словомъ, нѣчто аналогичное тому историческому явленію, которое представляло собою бабувистское движеніе въ концѣ XVIII вѣка.

Что касается личнаго состава революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, то онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его идеологическому характеру, т. е. не носилъ на себѣ никакого классового отпечатка. Это было полное смѣшеніе, если не „племенъ и нарѣчій", то во всякомъ случаѣ „одеждъ и состояній", съ преобладаніемъ того общественнаго элемента, который былъ наиболѣе воспріимчивъ къ даннымъ идеямъ и впечатлѣніямъ, т. е. нашей учащейся молодежи. Такъ какъ въ то время наши университеты и высшія школы были наполнены преимущественно дѣтьми дворянъ и разночинцевъ, то ими же вскорѣ оказались переполнены и казематы Петропавловской крѣпости.

Вообще идеологическій элементъ революціонныхъ движеній, по самому своему опредѣленію, неразрывно связанъ съ тѣми общественными слоями, которые подготовлены предшествовавшимъ умственнымъ движеніемъ и куда нашли въ данное время доступъ общественныя науки. Въ началѣ прошлаго столѣтія наиболѣе образованнымъ слоемъ русскаго общества оказалось гвардейское офицерство, въ среду котораго были занесены революціонныя идеи XVIII вѣка; и вотъ этого своеобразнаго сочетанія такихъ, повидимому, исключающихъ другъ друга элементовъ, какъ офицерство и общественная наука, оказалось вполнѣ достаточнымъ, чтобы въ нашей земледѣльческой Россіи съ ея полу-азіатскимъ правительствомъ возникло тогда серьезное демократическое общественное движеніе,—несмотря на все видимое несоотвѣтствіе этого движенія съ господствовавшими въ то время матеріальными условіями русской общественной жизни. Съ точки зрѣнія революціоннаго монизма это было какъ бы явнымъ нарушеніемъ всѣхъ установленныхъ теоретическихъ нормъ: съ одной стороны — натуральное хозяйство съ почти полнымъ отсутствіемъ городовъ; съ другой стороны — политическая партія, одушевленная идеями демократической конституціи; съ одной стороны — благоденствовавшее экономически дворянство, еще не начинавшее чувствовать неудобства своей экономической отсталости и даже неудобства крѣпостного труда; съ другой стороны — выдѣленіе наиболѣе состоятельною частью этого господствовавшаго земледѣльческаго сословія изъ своей среды значительнаго контингента революціонеровъ, проникнутыхъ непримиримою враждою къ существующему строю. Попробуйте теперь уложить всѣ эти кажущіяся противорѣчія въ рамки теоріи, признающей единымъ объективнымъ источникомъ революціонныхъ движеній развитіе производительныхъ силъ, а единымъ субъективнымъ источникомъ ихъ — непосредственно-ощущаемое или только еще носящееся въ воздухѣ и незримое для людей экономическое недовольство.

Мы знаемъ, конечно, что можно поставить вопросъ о самомъ общественномъ значеніи даннаго революціоннаго движенія; научная революціонная теорія должна имѣть дѣло только съ общественными явленіями, оставляющими по себѣ какіе-нибудь прочные историческіе слѣды. Мы знаемъ также, что наша крайняя экономическая школа отрицаетъ реальное общественное значеніе за возстаніемъ декабристовъ и отрицаетъ его вполнѣ послѣдовательно, со своей точки зрѣнія, на томъ именно основаніи, что декабристы не были идейными представителями интересовъ своего класса, что ихъ движеніе нельзя было бы пріурочить къ экономическому фактору, который, охватывая своимъ вліяніемъ цѣлый общественный слой, создавалъ бы на верху его

соотвѣтствующую идеологическую надстройку и ея носителей*).

Но такой взглядъ слишкомъ бросается въ глаза своей исторической несообразностью, чтобы его можно было серьезно отстаивать; и мы сослались на примѣръ декабристовъ въ виду именно того, что огромное вліяніе этого событія на все послѣдующее развитіе русской общественной жизни слишкомъ хорошо извѣстно. Если только не отрицать вполнѣ преемственности въ развитіи политическихъ партій, если только не защищать того положенія, что соціалистическая идеологія со всѣмъ ея научнымъ багажемъ и со всею ея сложною эмоціональною стороною создается непосредственно даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ, безъ предварительной идейной и эмоціональной подготовки, безъ вліянія политическихъ традицій и всей предшествовавшей политической литературы, — то въ такомъ случаѣ нельзя будетъ, конечно, не признать тѣсной генетической связи нашихъ 40-хъ годовъ съ тѣмъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ, какое произвело на русское общество возстаніе декабристовъ, а затѣмъ такой же неразрывной связи нашихъ 60 хъ годовъ съ 40-ми. Но въ этомъ именно вліяніи на политическое пробужденіе даннаго общества, на развитіе и распространеніе въ немъ революціонныхъ идей и эмоцій и заключается главное историческое значеніе всѣхъ революціонныхъ движеній, носящихъ идеологическій характеръ и не приводящихъ, повидимому, въ свое время ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Таково было и для Россіи значеніе революціоннаго движенія 20-хъ годовъ. Сопоставляя это движеніе съ соотвѣтствующими моментами въ дальнѣйшемъ развитіи русской общественной жизни, мы хотѣли бы между прочимъ спросить нашихъ просвѣщенныхъ либераловъ, со стороны которыхъ такъ часто раздавались жалобы и упреки по поводу *безрезультатности* революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, закончившагося долголѣтней и свирѣпой реакціей: примыкаютъ-ли въ данномъ случаѣ эти просвѣщенные либералы къ точкѣ зрѣнія нашей крайней экономической школы и относятся-ли они съ осужденіемъ къ движенію декабристовъ за вызванную имъ 30-лѣтнюю реакцію николаевской эпохи?

*) Подобное мнѣніе было высказано однимъ изъ представителей „Рабочей Мысли" на лондонскомъ собраніи эмигрантовъ въ память 75-ти лѣтней годовщины 14-го дек. 1825 г., въ отвѣтъ на рѣчь Кропоткина о великомъ общественномъ значеніи возстанія декабристовъ.

Другимъ историческимъ примѣромъ, хорошо иллюстрирующимъ значеніе общественныхъ движеній чисто идеологическаго характера, можетъ послужить тотъ же заговоръ Бабёфа, окончившійся, какъ мы видѣли, такъ печально и трагически для его участниковъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою даже еще болѣе непосредственное и осязательное вліяніе на общественную жизнь страны ея первыхъ неудавшихся революціонныхъ попытокъ. Извѣстно, что первыя революціонныя, соціалистическія группы возникли во Франціи среди парижскихъ рабочихъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, подъ прямымъ вліяніемъ идей Бабёфа, изложенныхъ въ *Исторіи Заговора*, напечатанной въ 1820 году однимъ изъ оставшихся въ живыхъ заговорщиковъ, а именно Буонаротти. Извѣстно также, что парижскіе рабочіе, принимавшіе участіе въ апрѣльскомъ возстаніи 1834 г., даже встрѣтились, сидя вмѣстѣ въ тюрьмѣ, съ самимъ Буонаротти, который произвелъ на нихъ тогда очень сильное впечатлѣніе. Такимъ образомъ революціонная попытка бабувистовъ оказалась потомъ однимъ изъ важныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ подготовлялась парижская революція 1848 г.

Теперь намъ нетрудно будетъ резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ то значеніе, какое имѣли въ нашей революціонной исторіи 70-е годы. Прежде всего, мы полагаемъ, что не слѣдуетъ отдѣлять въ этомъ случаѣ движеніе начала 70-хъ годовъ отъ всѣхъ послѣдующихъ революціонныхъ событій разсматриваемаго періода. Это

было, несомнѣнно, одно и то же движеніе, мѣнявшее не разъ свою программу, но развивавшееся непрерывно въ одной и той же средѣ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же основныхъ мотивовъ. Правда, признавая нераздѣльность этого движенія, мы тѣмъ самымъ какъ бы отодвигаемъ на второй планъ его *программу*, — и мы, дѣйствительно, отодвигаемъ ее на второй планъ, признавая за нею, въ данномъ случаѣ, реальное значеніе лишь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ предѣлахъ.

Программа движенія 70-хъ годовъ имѣла первостепенное значеніе въ своихъ основныхъ чертахъ, въ тѣхъ своихъ основныхъ чертахъ, которыми опредѣлялись общее направленіе и общія задачи движенія; и въ этихъ предѣлахъ программа все время оставалась неизмѣнной. Движеніе все время оставалось революціоннымъ и соціалистическимъ: въ этомъ отношеніи оно вполнѣ сохранило свою цѣльность.

Въ другихъ своихъ чертахъ программа движенія, какъ извѣстно, быстро мѣнялась: на протяженіи шести лѣтъ она послѣдовательно переходила отъ общаго народнаго возстанія къ созданію среди крестьянскихъ массъ отдѣльныхъ революціонныхъ центровъ съ одной стороны, къ бунтарству — съ другой; затѣмъ — еще болѣе рѣзкій переходъ съ почвы народнаго возстанія на почву политическаго заговора. Ясно, что движеніе искало своего пути, и что въ его собственномъ составѣ не было ничего такого, что сразу и безповоротно опредѣляло бы для него форму революціонной борьбы.

Говоря о народнической программѣ 1874 г., референтъ высказалъ ту мысль, что онъ не думаетъ, конечно, осуждать эту программу, что странно было бы ожидать, напр., чтобы тогда была выставлена соціальдемократическая программа, и что, наконецъ, если бы даже таковая и была выставлена тогда, то движеніе все равно окончилось бы неудачей, потому что для осуществленія соціальдемократической программы еще не было въ то время готовыхъ наличныхъ условій. И это совершенно вѣрно.

Но въ такомъ случаѣ какой же критерій можно бы было приложить къ оцѣнкѣ революціонной программы движенія 1874 г., какъ программы *массового* движенія, разъ мы признаемъ, что въ такой формѣ это движеніе при всякой программѣ одинаково кончилось бы неудачей, т. е. одинаково не разрослось бы тогда въ массовое революціонное движеніе? Ясно, слѣдовательно, что критерія такого не существуетъ, и что народническая программа 1874 года была въ концѣ концовъ такъ же хороша для даннаго историческаго момента, какъ и всякая другая. Но это значитъ, другими словами, что фактически революціонное движеніе еще не могло быть тогда массовымъ, т. е. что оно могло разсчитывать тогда лишь на одни идейные революціонные элементы русскаго общества, какъ среди интеллигенціи, такъ и среди народныхъ массъ. Вотъ почему къ нему нельзя было бы приложить мѣрки массовыхъ революціонныхъ движеній; вотъ почему его нельзя было бы оцѣнивать съ точки зрѣнія теоріи, приспособленной къ массовымъ движеніямъ городского пролетаріата, и вотъ почему, наконецъ, оцѣниваемое съ этой точки зрѣнія, оно всегда оказывалось лишеннымъ всякаго историческаго значенія. Естественно, что теорія, заранѣе исключавшая, въ силу своей основной посылки, революціонныя движенія идеологическаго характера, не признавала ихъ и тогда, когда сталкивалась съ ними въ дѣйствительной жизни.

Мы видимъ, слѣдовательно, что передъ защитниками соціальдемократической революціонной теоріи въ Россіи стояла очень трудная дилемма: имъ приходилось или отказаться отъ своего собственнаго монистическаго принципа, или отказаться отъ преемственной связи съ революціоннымъ прошлымъ. И мы знаемъ, что въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ періодъ наибольшаго процвѣтанія у насъ этой теоріи, они стали рѣшительно на второй путь. Но затѣмъ реальныя условія русской общественной жизни, хотя и значительно измѣнившіяся за послѣдніе 10—15 лѣтъ, но все же не въ такой сте-

пени, чтобы создать у насъ совершенно новыя условія революціонной борьбы, съ явнымъ преобладаніемъ въ ней массовыхъ элементовъ, стали постепенно выяснять ту важную роль, какую и до сихъ поръ еще играютъ въ нашемъ революціонномъ движеніи такъ называемые идеологическіе элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало все болѣе и болѣе выясняться ихъ значеніе и въ нашемъ революціонномъ прошломъ. Не удивительно поэтому, что съ нѣкотораго времени со стороны нашихъ марксистовъ все чаще и чаще слышатся категорическія заявленія о преемственной связи настоящаго революціоннаго движенія въ Россіи съ предшествовавшими стадіями нашей революціонной борьбы, т. е., другими словами, констатируются положительные практическіе результаты, достигнутые этой борьбой.

Говоря о преемственной связи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ съ дальнѣйшимъ ходомъ нашихъ революціонныхъ событій, референтъ указывалъ прежде всего на ту его важную заслугу, что оно рѣзко и опредѣленно поставило политическій вопросъ, какъ ближайшую революціонную задачу для Россіи. Эта сторона дѣла теперь признается у насъ, повидимому, всѣми революціонными направленіями.

При этомъ необходимо однако замѣтить, что эту постановку политическаго вопроса слѣдуетъ понимать не въ видѣ болѣе или менѣе удачно и сильно аргументированнаго теоретическаго положенія. Вопросъ былъ поставленъ тогда въ гораздо болѣе конкретныхъ формахъ самимъ движеніемъ, которое, цѣною большихъ усилій и жертвъ, выяснило въ значительной степени политическія условія соціальной борьбы въ Россіи и передало свой опытъ потомству. Съ тѣхъ поръ соціалистическая партія, поднимая революціонное знамя, уже не стояла передъ загадкою русской жизни въ полномъ невѣдѣніи, въ какомъ находились революціонеры начала 70-хъ годовъ.

Другой положительный результатъ движенія 70-хъ годовъ былъ указанъ во время преній по поводу другого реферата, прочитаннаго прошлою зимою въ Парижѣ, однимъ изъ ораторовъ также соціальдемократическаго лагеря. Онъ говорилъ — очень кратко, впрочемъ, такъ какъ вопросъ не касался прямо затронутой имъ темы—о тѣхъ новыхъ теченіяхъ въ политикѣ русскаго правительства, какія были вызваны въ началѣ 80-хъ годовъ сознаніемъ раскрывшейся передъ нимъ опасности. Подъ вліяніемъ этого сознанія, вмѣстѣ съ самой рѣшительной реакціей въ области общей политики, правительство стало проводить мѣры, имѣвшія въ виду усилить его популярность среди населенія (учрежденіе крестьянскаго банка, законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ, учрежденіе фабричной инспекціи, заботы о переселенцахъ). Трудно, конечно, сказать, чтобы эти мѣры имѣли какое-нибудь непосредственное значеніе для народа; но онѣ, несомнѣнно, положили начало той политикѣ частичныхъ уступокъ, которая позднѣе, подъ давленіемъ новыхъ революціонныхъ актовъ, повела къ фабричному закону 2-го іюня 1897 г., вмѣшательству министерства внутреннихъ дѣлъ съ цѣлью предупредить недовольство рабочихъ фабрикантами и т. дал. Словомъ, это было начало вынужденныхъ уступокъ со стороны стараго строя.

Но главные и непосредственные результаты 70-хъ годовъ обнаружились на развитіи самаго революціоннаго движенія. Мы уже говорили, что роль всякаго революціоннаго движенія идеологическаго характера заключается прежде всего въ томъ, чтобы содѣйствовать распространенію своихъ идей и неразрывно связанныхъ съ ними эмоцій, содѣйствовать расширенію своего собственнаго личнаго состава до его возможныхъ предѣловъ и тѣмъ самымъ подготовлять, со своей стороны, необходимыя условія для массового революціоннаго движенія. Въ этомъ отношеніи историческое значеніе той героически-неравной революціонной борьбы, которая велась у насъ въ теченіе десяти лѣтъ внутри инертнаго до тѣхъ поръ въ политическомъ отношеніи русскаго общества, было громадно. Можно сказать, что

революціонныя идеи, составлявшія въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ какъ бы привилегію крайне незначительнаго меньшинства, сдѣлались послѣ того общедоступными и проникли во всѣ уголки русскаго государства. Борьба между умѣренно-либеральнымъ и революціоннымъ направленіями, занимавшая такое важное мѣсто въ литературѣ и общественной жизни 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, была закончена разъ навсегда. Теперь споры могли происходить лишь по вопросу о характерѣ и методахъ революціонной дѣятельности; опровергать возможность широкаго мирнаго развитія на почвѣ реформъ и доказывать необходимость революціоннаго движенія въ Россіи стало уже излишнимъ. Общественная жизнь уже была, такъ сказать, поставлена на революціонное положеніе всѣмъ предшествовавшимъ движеніемъ. Насколько, благодаря этому, революціонное движеніе выросло и расширилось по своимъ задачамъ, хорошо можно судить по такому сопоставленію. Въ самомъ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ періодъ наибольшаго упадка революціонныхъ силъ, когда революціонное настроеніе, въ общемъ, находилось въ очень подавленномъ состояніи, въ Петербургѣ и во всѣхъ большихъ городахъ велась все-таки кружковая пропаганда среди рабочихъ, не уступавшая безъ сомнѣнія по своимъ размѣрамъ той революціонной пропагандѣ среди рабочихъ, которая велась въ началѣ 70-хъ годовъ, въ періодъ самыхъ большихъ ожиданій и самаго приподнятаго революціоннаго настроенія. Эта пропаганда, какъ извѣстно, признавалась тогда дѣломъ первостепенной важности; она одна составляла главную задачу и поглощала всѣ силы такой, наприм., крупной по тому времени организаціи, какую представлялъ собою кружокъ чайковцевъ. Между тѣмъ въ этотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, такого рода дѣятельность уже не удовлетворяла больше возросшихъ требованій революціоннаго движенія, не могла дать для него достаточно содержанія, не могла дать необходимой матеріальной опоры для революціоннаго движенія.

Это одушевленіе снова явилось лишь вмѣстѣ съ гораздо болѣе широкой постановкой революціоннаго вопроса; оно снова явилось лишь тогда, когда въ качествѣ основного пункта революціонной программы было выдвинуто массовое рабочее движеніе въ фабричныхъ центрахъ. И мы знаемъ, что революціонная Россія сразу же могла выставить тогда очень значительный контингентъ революціонной интеллигенціи, контингентъ, несомнѣнно значительно превышавшій численный составъ прежнихъ революціонныхъ организацій и достаточный для успѣшнаго проведенія въ жизнь программы массового революціоннаго движенія, — въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно.

Но необходимо опять-таки имѣть въ виду, для правильнаго пониманія *внутреннихъ* причинъ революціонныхъ движеній, что этотъ значительно разросшійся теперь контингентъ революціонной интеллигенціи *не былъ созданъ* соціальдемократической программой, — точно также какъ народническое революціонное движеніе 70-хъ годовъ не могло бы быть создано анархической программой, выставленной Бакунинымъ. Этотъ разросшійся революціонный контингентъ былъ лишь призванъ теперь къ активной дѣятельности; революціонная программа 90-хъ годовъ лишь объединила и организовала тѣ революціонные элементы, которые уже были подготовлены самою жизнью; она лишь придала извѣстную опредѣленную форму новому революціонному теченію; созданы же эти революціонные элементы были всѣмъ предыдущимъ революціоннымъ движеніемъ русской общественной жизни. Въ этомъ именно и заключается тѣсная преемственная, историческая связь между движеніемъ 90-хъ и 70 хъ годовъ, несмотря на рѣзкую разницу въ ихъ программахъ. Въ періодъ самой враждебной полемики, ихъ несомнѣнно связывало тѣсное духовное родство въ формѣ той обще-революціонной идейной и эмоціональной основы, которая необходима для осуществленія какой бы то ни было революціонной программы.

Наконецъ, положительные результаты движенія 70-хъ годовъ обнаружились также и въ томъ первоначальномъ контингентѣ идейныхъ революціонныхъ элементовъ среди рабочаго населенія, который соціальдемократическое движеніе уже нашло подготовленнымъ народническимъ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ. Лишь въ видѣ иллюстраціи къ этому заключительному замѣчанію, врядъ ли нуждающемуся въ доказательствахъ, я приведу два слѣдующіе параллельные факта: въ 1873 г., на одной изъ петербургскихъ фабрикъ, мы встрѣтили среднихъ лѣтъ рабочаго (Якова Иваныча), который оказался уже затронутымъ революціонной пропагандой начала 60 хъ годовъ; онъ сразу же сблизился съ нами и началъ приводить къ намъ для знакомства своихъ болѣе юныхъ товарищей. Съ другой стороны, года два назадъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ заводскимъ рабочимъ, пріѣзжавшимъ на время заграницу, при чемъ онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что въ числѣ его знакомыхъ находится одинъ уже пожилой рабочій, знававшій въ 1873 г. Чайковскаго и Кропоткина и оставшійся вѣрнымъ тѣмъ революціоннымъ идеямъ, которыя впервые тогда затронули его.

Л. Шишко.

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.

I

Рано-ли, преждевременно-ли зашумѣлъ «молодой, зеленый лѣсъ»,—вотъ вопросъ, который не оставлялъ насъ послѣ мартовскихъ дней, когда на Руси наступило затишье, когда воинствующіе элементы «молодой Россіи», студенчество и рабочіе, отступили, истощенные непосильной борьбой, стянувъ порѣдѣвшіе ряды, и орда опричниковъ съ Сипягинымъ во главѣ стала расправляться со всѣми, кто такъ или иначе былъ прикосновенъ къ весеннему пробужденію. Молодежь разъѣхалась по разнымъ угламъ провинціи со смутнымъ чувствомъ полу-побѣды, со смутными опасеніями, внушаемыми столь странно выдвинутой на сцену административной реформой, которую осуществлять призваны престарѣлые генералы, люди разнообразныхъ профессій, различныхъ вѣдомствъ, съ неизвѣстными обществу взглядами, съ темнымъ прошлымъ. Рабочіе (мы говоримъ, конечно, о передовыхъ элементахъ), послѣ геройскихъ попытокъ схватиться съ правительствомъ, должны были убѣдиться въ своей недостаточной подготовленности, въ отсутствіи боевой организаціи, которая объединила бы ихъ самоотверженныя усилія и повела бы ихъ на рѣшительный бой съ самодержавіемъ. Оппозиціонные элементы общества, совершивъ актъ гражданскаго мужества, заявивъ открыто, что антагонизмъ мыслящихъ людей съ абсолютизмомъ неизбѣженъ и не можетъ быть прикрытъ никакими лицемѣрными вѣрноподданническими увѣреніями, не сдѣлали, да, можетъ быть, и не могли сдѣлать дальнѣйшихъ шаговъ по пути серьезной борьбы за свободу. Эта остановка была фатальна прежде всего для нихъ самихъ. Растерявшаяся было бюрократія снова овладѣла боевыми позиціями и оттуда стала производить опустошительные набѣги на своихъ враговъ.

стріей, неблагопріятное соотношеніе между свѣтлыми и темными сторонами капитализма, реакціонность буржуазіи, необходимость подчиненія экономической борьбы борьбѣ политической, крупная роль революціонной интеллигенціи, недостаточность одной пропаганды среди индустріальнаго пролетаріата, возможность и плодотворность попытокъ вовлечь въ движеніе и крестьянство, гармоническое соединеніе подъ общимъ знаменемъ трехъ элементовъ — работниковъ умственнаго, земледѣльческаго и фабричнаго труда, — образовавшихъ своеобразный тройственный союзъ, обезпечившій безостановочное развитіе соціалистическаго движенія, указавшій ему выходъ изъ тупого переулка междуфракціонныхъ распрей и дрязгъ и сообщившій ему новую силу и новый размахъ—таковы наиболѣе интересныя особенности общественнаго развитія этихъ странъ. Сходство многихъ чертъ ихъ соціальнаго строя съ основными чертами соціальнаго строя Россіи бросается въ глаза, и мы старались показать, какъ много поучительнаго именно поэтому представляетъ для насъ соціалистическое движеніе Венгріи и Италіи.

Но въ нашей родинѣ мы наталкиваемся еще на одну огромную по своему значенію особенность: существованіе чисто-азіатскаго абсолютизма, вооруженнаго однако всѣми техническими средствами европейской культуры... И если лучшее противоядіе противъ многихъ золъ нашей жизни мы можемъ легко найти, учась изъ опыта соціалистическихъ партій наиболѣе близкихъ къ нашей по своему характеру странъ, то противъ этого спеціальнаго зла мы и тамъ не найдемъ спеціальныхъ противоядій. Ихъ мы должны найти въ своемъ собственномъ революціонномъ опытѣ*).

Юрій Гарденинъ.

— • • • —

*) Когда была написана эта статья, цитированный въ ней П. Эрнстъ еще не совершилъ своей метаморфозы изъ крайнихъ революціонеровъ въ ренегата, сотрудника гарденовскаго «Zukunft».

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И РЕВОЛЮЦІОННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

I

Городской пролетаріатъ, еще такъ слабо развитый, не случайно выдвинутъ событіями на первый планъ революціоннаго движенія въ Россіи; онъ не случайно „рвется въ бой съ самодержавіемъ“ рядомъ съ революціонной интеллигенціей, доказывая на дѣлѣ, въ открытыхъ столкновеніяхъ съ вооруженной силой, что онъ умѣетъ, „какъ левъ, бороться“ и умирать за свободу; не случайно, наконецъ, царскіе опричники стараются отравить этотъ чистый источникъ народной энергіи, направляя въ рабочій классъ своихъ явныхъ и тайныхъ агентовъ. Революціонная роль городского пролетаріата является не только результатомъ неутомимой и сознательной пропаганды, длящейся уже болѣе четверти вѣка. Она, главнымъ образомъ, продуктъ роста экономическихъ силъ Россіи, вовлеченной въ „міровой обмѣнъ товаровъ“. И если въ рабочемъ классѣ, рядомъ съ революціонными политическими стремленіями, начинаетъ проявляться классовое сознаніе, то въ этомъ обнаруживается давленіе новыхъ отношеній въ области производства; и въ процессѣ борьбы это сознаніе будетъ рости и укрѣпляться. Эта новая сила, въ тѣсномъ союзѣ съ внѣклассовой революціонной интеллигенціей, подкапывается подъ самое основаніе стараго строя, сближаетъ не только идейно, но и фактически, революціонную Россію съ соціалистическимъ Западомъ и обезпечиваетъ приближеніе не только русской, но и международной соціальной революціи. Вѣковое стремленіе русской революціонной интеллигенціи нашло, наконецъ, подъ собою твердую почву. „Народъ“ выходитъ изъ густого тумана и, въ лицѣ своего

авангарда, городского пролетаріата, сознательно становится на путь завоеванія счастья собственными усиліями.

Почему же такое положеніе вещей застигаетъ какъ бы врасплохъ нашу соціалистическую интеллигенцію? Почему въ рядахъ ея вмѣсто яснаго и опредѣленнаго плана дѣйствія замѣчается какое-то замѣшательство?

Не зависитъ ли это отчасти отъ неясности взглядовъ на роль этой самой интеллигенціи со стороны господствовавшей до послѣдняго времени соціальдемократіи?

Событія сблизили, конечно, нашъ городской пролетаріатъ съ молодой интеллигенціей. При первомъ своемъ выступленіи на открытую борьбу съ самодержавіемъ, онъ встрѣтился на полѣ дѣйствія съ лучшими представителями университетской молодежи, и своимъ здоровымъ инстинктомъ, наперекоръ всякимъ узкимъ теоріямъ, онъ узналъ въ послѣдней своего вѣрнаго союзника. И кличъ молодежи: „за университетскую свободу“ скоро растворился въ общемъ лозунгѣ „за свободу“ вообще, за освобожденіе народа отъ ига самодержавія.

Но насколько этотъ непосредственный голосъ жизни находится въ соотвѣтствіи съ нашими теоретическими воззрѣніями? Представляетъ-ли революціонная интеллигенція, однимъ изъ отрядовъ которой часто безсознательно является университетская молодежь, дѣйствительно силу, которую надо брать серьезно въ разсчетъ при синтезѣ всѣхъ боевыхъ элементовъ?

Мы думаемъ, что указаніе жизни не противорѣчитъ никакой серьезной теоріи и поможетъ намъ скоро освободить революціонное міровоззрѣніе отъ того схоластическаго нароста, который явился продуктомъ долгой политической недѣятельности. Мы думаемъ, что жизнь убѣдитъ всѣхъ непредубѣжденныхъ въ важномъ значеніи революціонной интеллигенціи для общенародной борьбы съ самодержавіемъ, какъ она убѣдила уже многихъ въ томъ, что рабочія массы, по отношенію къ той же

борьбѣ, перестали быть въ русской дѣйствительности одной только далекой „возможностью“.

II

Впрочемъ, революціонная интеллигенція уже возстановлена представителями нашего „ортодоксальнаго“ соціализма въ своихъ соціалистическихъ правахъ; съ нея сняты пресловутыя „ковычки“, въ которыя она была закована, когда впродолженіе столькихъ лѣтъ находилась подъ надзоромъ „науки“. Живуче еще тѣмъ не менѣе стремленіе подводить понятіе о русской революціонной интеллигенціи подъ ярлыкъ экономической категоріи и видѣть въ ней простой отпрыскъ нашей „демократической буржуазіи“.

Намъ говорятъ: развитіе пролетаріата шло параллельно съ развитіемъ буржуазіи; ростъ производительныхъ силъ выдвигалъ одновременно на сцену эти двѣ общественныя группы. Какъ буржуазія, такъ и пролетаріатъ должны были столкнуться съ старыми, отжившими политическими формами, возникшими при другомъ соотношеніи общественныхъ силъ. Какъ это было и на Западѣ, представители буржуазіи могли и могутъ не понимать объективнаго смысла своихъ стремленій и идеализировать ихъ, окрашивая ихъ субъективно въ цвѣтъ общенародныхъ и даже смутно соціалистическихъ вожделѣній; въ объективномъ же процессѣ исторіи они были и остаются агентами ростущаго капиталистическаго класса, который только временно и условно можетъ бороться параллельно съ пролетаріатомъ, но, какъ только оболочка старыхъ политическихъ формъ будетъ разорвана общими усиліями, классовая борьба разгорится яркимъ пламенемъ, и „субъективные соціалисты“ очутятся въ лагерѣ враговъ пролетаріата.

Эта дедукція, конечно, очень изящна и подкупаетъ своей мнимой научностью, — мнимой, потому что она не беретъ въ разсчетъ всѣхъ элементовъ вопроса. Разъ послѣдній ставится на чисто экономическую поч-

ву, та или иная общественная группа не можетъ не занять, по опредѣленію, какъ говорятъ въ математикѣ, того или иного мѣста въ схемѣ производительныхъ силъ; согласно классовой теоріи, всѣ индивидуумы, исполняющіе одинаковую функцію въ общенародномъ производительномъ процессѣ, соединяются въ классъ; и борьба загорается между классами, занимающими различныя мѣста въ производствѣ изъ-за доли продукта этого послѣдняго. Въ этой экономической схемѣ не можетъ быть иного мѣста для интеллигенціи, какъ то, которое вытекаетъ изъ ея привилегированнаго положенія: будучи выходцемъ изъ буржуазнаго класса, она не можетъ не быть en bloc представительницей его.

Если бы вся сложность общественныхъ отношеній исчерпывалась экономическими категоріями, трудно было бы что-либо возразить противъ этой цѣльной теоріи. Но, вѣдь, —становясь даже на точку зрѣнія самыхъ послѣдовательныхъ представителей „діалектическаго матеріализма"—эволюція классовъ происходитъ въ опредѣленной соціальной средѣ, съ весьма сложными надстройками, средѣ, которая, будучи сама продуктомъ предшествовавшей борьбы классовъ, является въ формѣ готовой *политической системы*, имѣющей свою самостоятельную логику развитія. Знаменитое „слѣдствіе" становится „причиной". Какъ только вопросъ ставится на политическую почву, получается иная группировка индивидуумовъ, и классовая теорія подвергается первой важной поправкѣ.

Мы вовсе не отрицаемъ, что буржуазія развилась въ Россіи параллельно съ пролетаріатомъ, и уже выдвигаетъ своихъ идеологовъ. Мы только протестуемъ противъ того, чтобы искать послѣднихъ въ рядахъ революціонной интеллигенціи. Ищите ихъ въ купечествѣ, въ средѣ „Гордѣевыхъ", такъ рельефно обрисованной Горькимъ; ищите ихъ среди нашихъ крупныхъ промышленниковъ: горнозаводчиковъ, сахароваровъ и т. д. и т. д.; ищите ихъ даже въ рядахъ представителей нашей университетской науки. . . . Вы ихъ тамъ

найдете, и съ ярко выраженнымъ классовымъ сознаніемъ, выросшимъ далеко за предѣлы однихъ субъективныхъ недоразумѣній...

Возьмите,—чтобы ограничиться однимъ яркимъ примѣромъ, заимствованнымъ нарочно изъ академической области, изъ того самаго „храма", въ которомъ волнуется теперь наша молодежь,—возьмите хотя бы такого виднаго представителя нашей буржуазіи, какъ знаменитый химикъ и тарифовѣдъ, нашъ „русскій Лавуазье" Д. И. Менделѣевъ. Въ своемъ „Толковомъ Тарифѣ"[1]) онъ въ сущности выступаетъ сознательнымъ теоретикомъ своего класса.

„Отъ резонерства стало скучно и бѣдно въ нашей хлѣбной странѣ"[2]) — и мыслящій „реалистъ" рисуетъ твердыми штрихами ростъ и потребности своего класса.

„Пора понять, что на хлѣбѣ заработки малы... работа съ хлѣбомъ — это *дѣтскій трудъ*... въ немъ только первые проблески разумности"[3])... „Не завоевать Индію, какъ увѣряетъ басня, а завоевать надлежащее мѣсто въ промышленномъ движеніи всего міра, не тайно, а явно,—завѣщано Петромъ".[4])

Не характерна-ли эта претензія поставить все развитіе русскаго государства въ тѣсную, органическую связь съ развитіемъ буржуазіи?

„Петръ Великій перестраивалъ Россію, чтобы приготовить ея промышленный ростъ, и чтобы ввести ее въ болѣе тѣсную близость съ остальнымъ міромъ, породнить съ Западомъ".[5])

Это прошлое. А вотъ и будущее.

„Если видно впереди мерцаніе зари *общаго мира и правомѣрнаго распредѣленія возможнаго для странъ и людей благополучія*, то не иначе, какъ чрезъ посредство той же промышленности, потому что опытъ показалъ недостаточность для достиженія этого евангельскаго указанія — ни *сосредоточеннаго напряженія военнаго могущества*, ни всевозможныхъ формъ землевладѣнія, ни самого высшаго развитія просвѣщенія"[6]).

---

[1]) „Толковый тарифъ". Вып. I. 1891.
[2]) Ibid. ст. ш.
[3]) Ibid. ст. ш.
[4]) Ibid. ст. I.
[5]) Ibid. ст. I.
[6]) Ibid. ст. I. Курсивъ вездѣ нашъ.

Не чувствуете-ли вы въ этихъ словахъ намекъ на то, что роль самодержавія, этой военной организаціи кончена? И вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ воззваніи буржуазіи къ „общему миру“ не заключается-ли истинное истолкованіе политики Александра III и Николая II, съ ихъ декларацiями и конференціями мира, наканунѣ ужасовъ китайской кампаніи?.... Идеологъ буржуазіи даже не прочь сдѣлать глазки соціализму, когда онъ говоритъ о „правомѣрномъ распредѣленіи возможнаго для людей благополучія“, хотя нѣсколько дальше, чтобы не возбудить слишкомъ стремительныхъ аппетитовъ у своего союзника-пролетаріата, онъ говоритъ, что промышленность лишь современемъ сможетъ развиваться и помимо капитализма, „хотя бы тѣмъ сказочнымъ способомъ „арміи труда“, который Беллами превратилъ въ *утопію* будущаго вѣка“. Вотъ онъ пресловутый „субъективный соціализмъ“ буржуазіи! Но пока-что, буржуазія не чувствуетъ никакой потребности вступить въ борьбу съ представителями „напряженнаго военнаго могущества“. Зачѣмъ ей бороться съ самодержавіемъ, когда она умѣетъ такъ „мирно“ пріурочивать его сложный механизмъ къ своимъ классовымъ цѣлямъ?.... Наоборотъ, она охотно становится подъ защиту двуглаваго орла, когда надо для ея интересовъ направить „напряженное военное могущество“ противъ той же „арміи труда“, или когда нужно системой покровительственныхъ тарифовъ обезпечить „мирное“ обираніе представителей „дѣтскаго труда“, крестьянъ. Она, буржуазія, знаетъ, что самимъ ходомъ вещей она постепенно урѣжетъ крылья хищной птицѣ и сократитъ ея полетъ...

„Теперь Царь повелѣлъ пересмотрѣть тарифъ и позаботиться объ огражденіи и оживленіи промышленности своей страны... И она — огражденная новымъ тарифомъ — оживится подъ вліяніемъ *прямыхъ его указаній и того дождя другихъ ему соотвѣтствующихъ мѣропріятій*, который дастъ ростъ пробившимся корнямъ и засохшимъ листьямъ и жизнь зарытымъ въ русской почвѣ сѣменамъ промышленной дѣятельности.“

Смотрите, какъ уже переплетается передъ умственнымъ взоромъ теоретическаго представителя россійскаго капитализма власть самодержца съ властью буржуазіи, которая знаетъ, что она обладаетъ фактически законодательною функціею, когда дѣло идетъ о „мѣропріятіяхъ“, касающихся защиты ея интересовъ.

„Я громко говорю то, что считаю должнымъ и въ правѣ говорить: Россіи, по ея положенію и нетронутымъ запасамъ, по степени развитія, *по склонности народа и по Волѣ Царской* приспѣло время усиленно обратиться къ пріумноженію своей дѣятельности —широкимъ развитіемъ горной, фабричной и заводской промышленности“...

Третье сословіе въ началѣ французской революціи тоже любило говорить отъ имени „склонности всего народа“, тоже рисовалось своей лойяльностью по отношенію къ „возлюбленному монарху“ (что не помѣшало ей чрезъ 2-3 года послать его на эшафотъ). Не удивляетъ насъ поэтому, что и русская буржуазія уже предвосхищаетъ эту роль представительницы „склонностей народа“.... Но въ 1789 г. не было во Франціи традицій „Народной Воли“, не было сознательнаго пролетаріата, и буржуазія могла безнаказанно декретировать, послѣ взятія „народомъ“ Бастиліи, дѣленіе гражданъ на политически „активныхъ“ и „пассивныхъ“ и присвоить себѣ всю власть. Разсчеты же идеологовъ русской буржуазіи именно потому и не оправдаются, что не ими исчерпывается составъ русской интеллигенціи, и развитіе классового самосознанія городского пролетаріата, къ счастью, уже зашло далеко впередъ...

III

Что же общаго между этими представителями буржуазіи и той революціонной интеллигенціей, которая вербуется изъ разныхъ классовъ населенія русской Имперіи безъ различія расъ и національностей и уже вѣковой борьбою запечатлѣла свою неизмѣнную преданность идеалу общенароднаго, соціальнаго и политическаго, освобожденія? Что общаго между представителемъ промышленности, проф. Д. Менделѣевымъ, и той

революціонной молодежью, которая вмѣстѣ съ пролетаріатомъ объявляетъ открытую войну самодержавію, заявляя себя „ферментомъ разложенія современнаго абсолютно-бюрократическаго уклада“? Что общаго между идеологами буржуазіи и той интеллигенціей, которая безъ оглядки уходила въ среду рабочихъ или крестьянъ проповѣдывать Евангеліе соціализма, помогать рабочимъ въ борьбѣ съ капиталомъ, призывать сѣрыя массы мужиковъ къ „бунту“ для защиты своихъ попранныхъ правъ? Что общаго между буржуазіей и Народной Волей, которая во имя народа организовала безпримѣрный въ исторіи поединокъ съ самодержавіемъ, заранѣе заявивъ, что борется за осуществленіе соціалистической программы? Что общаго между буржуазіей и Михайловыми и Чернышевскими, дѣлающими воззваніе къ народной революціи во имя интересовъ обманутаго и обворованнаго крестьянства? Что общаго между буржуазіей и идеалами 40-хъ годовъ Бѣлинскаго? Что общаго между классомъ эксплуататоровъ и декабристами, организовавшими тайное общество и военный заговоръ для ограниченія самодержавія и освобожденія русскаго народа отъ политическаго и гражданскаго рабства (а въ представленіи нѣкоторыхъ и отъ экономическаго гнета)?...

Революціонная интеллигенція была всегда внѣ-классовой группировкой личностей, связанныхъ общностью убѣжденій. Вырабатывая ихъ вполнѣ сознательно и критически ихъ провѣряя, представители этой интеллигенціи всегда стремились воплотить ихъ въ жизнь, — сначала смутно, но впослѣдствіи, по мѣрѣ роста общественности, все болѣе и болѣе опредѣленно.

По своему происхожденію русская революціонная интеллигенція есть группировка политическая: она возникла на вершинѣ соціальной пирамиды путемъ отпаденія отъ самодержавія въ такой моментъ исторіи, когда общественность была черезчуръ слабо развита, чтобы могла идти рѣчь о настоящей борьбѣ классовъ, и когда единственнымъ распорядителемъ и внутреннихъ и внѣшнихъ судебъ было „напряженное военное могущество“ Романовыхъ. Эта интеллигенція проявилась какъ протестъ убѣжденія противъ обычая, мысли противъ суевѣрія, свободы противъ рабства, закона противъ произвола, общенароднаго блага противъ династическихъ интересовъ.

Самодержавіе, удовлетворявшее нѣкогда потребности обезпеченія внѣшней безопасности, выродилось скоро въ военную и бюрократическую деспотію, узурпировавшую верховную власть народа, который оно превратило въ поставщика пушечнаго мяса и податей. Революціонная интеллигенція явилась какъ протестъ противъ этого захвата верховной власти, противъ этого чудовищнаго превращенія исполнительнаго органа въ монополію *всѣхъ* функцій народной воли; и дѣятельность *этой* интеллигенціи направилась на борьбу за переходъ власти къ народу.

По мѣрѣ того, какъ ростетъ экономическое развитіе Россіи, все болѣе широкіе слои русскаго народа идутъ на встрѣчу тѣмъ требованіямъ, которыя *за него* и *до него* революціонная интеллигенція предъявила узурпаторамъ верховной власти.

Западная Европа, благодаря своему высшему умственному, политическому, культурному развитію, явилась съ самыхъ раннихъ поръ учительницей Россіи по части научныхъ, философскихъ и соціальныхъ теорій. Революціонная интеллигенція черпала свои руководящія идеи готовыми изъ Европы, какъ самодержавіе брало готовыми всѣ усовершенствованные пріемы техники для усиленія своей военной и бюрократически-полицейской организаціи. Но эти идеи, прежде чѣмъ воплощаться въ общественное движеніе, должны были, конечно, переработаться согласно требованіямъ русской жизни, которая часто видоизмѣняла западноевропейскія теоріи, и во всякомъ случаѣ вкладывала въ нихъ своеобразное содержаніе. Въ этомъ заимствованіи чужихъ идей проявилось не простое подражаніе, а здоровый ростъ молодого организма, процессъ умствен-

наго обмѣна веществъ, безъ котораго немыслимо развитіе, такъ какъ только мертвое тѣло не нуждается въ матеріалѣ, приходящемъ извнѣ, но зато же оно и не возвращаетъ этой средѣ ничего, кромѣ продуктовъ своего разложенія...

Великая французская революція была центромъ распространенія освободительныхъ идей; въ ней идея всесильнаго *человѣческаго разума*, которою была проникнута умственная атмосфера Европы XVIII вѣка (идея, которая въ XIX в. нашла свой коррективъ въ идеѣ *развитія среды)*, нашла свое политическое выраженіе.

Въ царствованіе Александра I, среди передовой части офицерства—такъ какъ именно эта группа и явилась первой чуткой и воспріимчивой средой по отношенію къ идеямъ Запада—принципы французской революціи имѣли громадное вліяніе, хотя къ этому времени престижъ самой революціи, выродившейся въ Наполеоновщину, успѣлъ уже значительно уменьшиться.

Поражалъ тогда, конечно, не внутренній смыслъ революціи, которой первый этапъ означалъ побѣду буржуазіи надъ феодализмомъ, а политическая сторона ея, побѣда демократіи надъ самодержавіемъ. Идеи Монтескьё о раздѣленіи верховной власти, ученіе о конституціи, декларація правъ человѣка и гражданина распространились быстро по всей Европѣ, расшатывая самые прочные троны. Русское императорство было тоже затронуто этимъ теченіемъ. Въ первые годы своего царствованія Александръ, ученикъ Лагарпа, окружилъ себя либералами, платоническими почитателями англійской конституціи, и даже въ польскомъ сеймѣ онъ торжественно намекнулъ на свое желаніе даровать „своимъ" народамъ конституцію. Но императоръ скоро измѣнилъ своимъ мечтаніямъ молодости... ихъ восприняло передовое офицерство, служившее въ его войскахъ.

Наполеоновскія войны сильно всколыхнули русскій народъ, и, какъ извѣстно, сблизили офицерство съ сѣрой массой; дальнѣйшее знакомство съ Европой,

послѣ торжественнаго входа въ Парижъ, гдѣ русское воинство реставрировало монархію, дало поводъ сравнить воочію поистинѣ ужасное положеніе русскаго народа съ другими націями, и это толкнуло молодое передовое офицерство на путь революціонной дѣятельности. Характерны фазы, черезъ которыя проходило это движеніе. И у этихъ революціонеровъ былъ періодъ подготовительной дѣятельности: они вступали въ массонскія ложи, гдѣ господствовали тогда мистическія идеи *служенія человѣчеству;* они создали *кружки самообразованія* и *самоусовершенствованія;* отъ этихъ Tugenbund'овъ они перешли къ созданію союзовъ, и, наконецъ, вдохновленные возстаніемъ Греціи за свое освобожденіе и событіями въ Испаніи, гдѣ торжествовалъ военный заговоръ, они съорганизовались въ *тайное общество*, поставившее себѣ цѣлью освобожденіе русскаго народа отъ крѣпостного права и ограниченіе самодержавія.... Извѣстно, что отдѣльные представители этого движенія знали идеи Сэнъ-Симона, и, слѣдовательно, имъ не чужда была уже тогда мысль воспользоваться политическимъ переворотомъ для проведенія соціализма. Какъ бы то ни было, одно ясно и несомнѣнно: во имя обще-народныхъ интересовъ, для воплощенія идеала свободы и справедливости, заговорщики хотѣли вырвать власть у дома Романовыхъ и положить начало демократіи. Это была русская революціонная интеллигенція въ первой исторической кульминаціонной точкѣ своей дѣятельности*).

При Николаѣ I, этомъ внутреннемъ и внѣшнемъ жандармѣ, интеллигенція уходитъ въ знаменитый *идейный заговоръ;* 40-е годы проникаются въ концѣ концовъ идеями утопическаго соціализма. Революція 1848 года кладетъ конецъ утопіямъ. Общественная атмосфера заражается пессимизмомъ послѣ ужасныхъ февральскихъ

*) Прокламація къ рабочимъ, выпущенная 14-го декабря 1901 г. нашими товарищами соціалистами-революціонерами, дѣйствующими въ Россіи среди рабочихъ, очень кстати напомнила этотъ эпизодъ русской революціонной исторіи.

дней. . . И въ то время, какъ на Западѣ реакціей противъ этого пессимизма является вліяніе знаменитаго Коммунистическаго манифеста Маркса и Энгельса, въ которомъ идея эволюціи вооружаетъ пролетаріатъ всего міра для дальнѣйшей борьбы, представитель русской революціонной интеллигенціи, Герценъ, ищетъ спасенія въ нѣдрахъ самого русскаго народа.

Въ то время, какъ Карлъ Марксъ указалъ, что спасеніе идетъ отъ роста классового сознанія и неминуемой борьбы пролетаріата съ буржуазіей, Герценъ и русская революціонная интеллигенція обратили свои взоры главнымъ образомъ на крестьянскую *общину*. Идея политическаго переворота подвергается временному затемнѣнію; этотъ переворотъ разсматривается какъ поверхностный пріемъ, безсильный произвести существенныя измѣненія въ соціальныхъ отношеніяхъ народа, но зато идея о *соціальной революціи* заставляетъ революціонную интеллигенцію ближе изучать народъ, искать въ его собственныхъ стремленіяхъ элементы его освобожденія. Освобожденіе народа съ землей становится основнымъ пунктомъ ея программы, и когда актъ 19-го февраля провозглашаетъ эмансипацію съ урѣзанными надѣлами, революціонная интеллигенція сознательно начинаетъ организоваться для борьбы съ самодержавіемъ. Михайловъ и Чернышевскій уходятъ на каторгу, и броженіе среди разночинной внѣ-классовой интеллигенціи все болѣе и болѣе усиливается...

Бакунинъ является выразителемъ господствующаго направленія, и его страстная проповѣдь немедленнаго бунта во имя крестьянскаго переворота находитъ восторженныхъ сторонниковъ. Повторяются уже извѣстныя фазы движенія. Организуются кружки саморазвитія; отдѣльныя личности вступаютъ въ Интернаціоналъ; идетъ движеніе въ народъ, а за неудачей его начинается дѣятельность въ городскихъ центрахъ; наконецъ, создается партія дѣйствія, партія Народной Воли, и снова организуется заговоръ, болѣе обширный, чѣмъ заговоръ декабристовъ, съ той же конечной цѣлью:

отнять верховную власть у самодержавія и передать ее народу, возстановить крестьянство революціоннымъ путемъ въ его правахъ на землю. Такимъ образомъ, во второй кульминаціонной точкѣ своей дѣятельности, при болѣе широкомъ личномъ составѣ, вербующемся уже главнымъ образомъ въ среднихъ слояхъ общественной пирамиды съ болѣе опредѣленно намѣченными соціальными планами, русская революціонная интеллигенція носитъ тотъ же политическій характеръ: это группа лицъ, связанныхъ убѣжденіями и борющихся за переходъ верховной власти къ народу.

Послѣ второго своего пораженія, революціонная интеллигенція *какъ-будто* сходитъ со сцены. Самодержавіе торжествуетъ и въ тѣсномъ союзѣ съ буржуазіей двигаетъ Россію по пути индустріализаціи, проявляя при этомъ достаточную гибкость и умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ; оно укрѣпляетъ свои финансы, благодаря ловкому дипломатическому союзу съ буржуазной республикой, не знающей, куда дѣвать свои деньги, перестающія приносить у нея дома достаточный доходъ. Самодержавіе наноситъ ударъ за ударомъ интеллигенціи и старается стѣной отдѣлить ее отъ народа. Но интеллигенція, вѣрная духу революціи, только ушла въ глубь народа; она сошлась съ городскимъ пролетаріатомъ, помогая ему бороться съ капитализмомъ, а въ земствахъ „третье сословіе“ продолжало изученіе и сближеніе съ сельскимъ населеніемъ. И что же? Какъ только періодъ реакціи закончился, на поверхность русской жизни снова выдвинулась, вмѣстѣ съ новыми элементами, все та же революціонная интеллигенція съ ея *общенародными* освободительными тенденціями...

IV

Плехановъ, въ статьѣ, помѣщенной въ № 1 „Зари“ и озаглавленной: „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба“, протестуетъ противъ смѣшенія понятія

„классъ“ съ понятіемъ „партія“. Онъ видитъ въ этомъ смѣшеніи источникъ заблужденій, которыя мѣшаютъ части русскихъ соціальдемократовъ „правильно формулировать политическую задачу“. Плехановъ совершенно правъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы онъ былъ правъ, когда говоритъ, что партія представляетъ собою „передовой отрядъ рабочаго класса“. Если посмотрѣть на дѣйствительность не сквозь очки экономической теоріи, то „партія“ окажется организованной революціонной интеллигенціей, тѣсно сблизившейся или даже слившейся съ передовымъ отрядомъ рабочаго класса, т. е. городского и сельского пролетаріата. Что рабочій классъ является теперь центральнымъ элементомъ, „позвоночнымъ столбомъ“ партіи, спору нѣтъ, и въ этомъ отношеніи движеніе подвинулось значительно впередъ въ сравненіи съ эпохой, когда народъ былъ только „возможностью“. Но только революціонная интеллигенція, тѣсно соединенная съ сознательной частью рабочихъ, можетъ сыграть ту роль, которая указывается Плехановымъ „партіи“, роль, въ силу которой партія, между прочимъ, должна „увеличивать и укрѣплять сочувствіе къ намъ всѣхъ демократическихъ элементовъ нашего отечества“. Лишь застрявшіе въ трясинѣ чистаго „экономизма“ не поймутъ значенія той исторической силы, которую представляетъ собою революціонная интеллигенція, и будутъ о ней безсмысленно повторять, когда событія бросаютъ имъ въ видѣ интеллигенціи спасительную веревку — „веревка — вервіе простое“...

Но, къ счастью, уже и въ средѣ соціальдемократовъ все громче и громче раздаются соціаль-революціонныя слова, прелюдія соціаль-революціоннаго дѣла; и хотя вожаки этого направленія пока еще лишь смутно говорятъ о „возстаніи“, еще не ясно представляютъ себѣ „пріемы“ его, путь во всякомъ случаѣ намѣченъ, и жизнь сдѣлаетъ нужные выводы.

Насъ нисколько не удивляетъ встрѣча двухъ міровоззрѣній: того, которое ведетъ начало отъ Манифеста

Коммунистической Партіи, и того, которое связано съ именами великихъ теоретиковъ русской интеллигенціи.

Если революціонная интеллигенція, послѣ славнаго періода народовольчества, временно сошла со сцены, то это потому, что она была въ буквальномъ смыслѣ этого слова скошена; если графъ Л. Толстой—мы говоримъ о Толстомъ 80-хъ годовъ — могъ проповѣдывать съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ свою реакціонную теорію „непротивленія злу“, то лишь потому, что это непротивленіе, раньше чѣмъ стать теоріей, было уже печальнымъ фактомъ русской дѣйствительности. Но, какъ только выросло новое поколѣніе, историческая группа съ своими основными тенденціями снова выступаетъ на арену дѣйствія, она снова и снова даетъ кадры для образованія „партіи“.

Плехановъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о русскомъ рабочемъ въ революціонномъ движеніи говоритъ[1]):

„Если въ программѣ образовавшагося зимою 1878-79 г. „*Сѣверно-русскаго Рабочаго Союза*“ сильно слышалась *соціальдемократическая нота*, то это, *кажется*, въ значительной степени нужно приписать вліянію *лавристовъ*“.

Это очень драгоцѣнное указаніе для исторіи нашей соціалистической мысли, и наша интеллигенція, которая просыпается теперь отъ летаргіи, расширяетъ свой кругозоръ и ищетъ нити, связывающія ее съ дорогимъ прошлымъ, должна удержать это указаніе.... Пусть же она знаетъ, что если арія была разыграна другими, то основная „нота“ дана была духовными вождями русской интеллигенціи.

П. Л. Лавровъ проникся идеями Коммунистическаго Манифеста, когда онъ во время Парижской Коммуны познакомился съ Варлэномъ и, впослѣдствіи, съ самимъ Карломъ Марксомъ. Его экономическое міровоззрѣніе сложилось подъ вліяніемъ ученія послѣдняго и ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ современной соціальдемократической концепціи... Но его общее фи-

---

[1]) „Соціальдемократъ“; книга третья. стр. 21. Курсивъ нашъ.

лософское міровоззрѣніе и, въ частности, его политическіе взгляды остались тѣми же, какими они были до знакомства съ Варлэномъ и Марксомъ, т. е. носили яркую печать признанія важности роли убѣжденнаго революціоннаго меньшинства, сознательно воздѣйствующаго на жизнь во имя своихъ идеаловъ. Когда этотъ мыслитель говоритъ о рабочемъ движеніи въ Россіи, онъ заявляетъ:

„Большая часть русскихъ рабочихъ, дѣлаясь соціалистами, даже выходили изъ той среды, интересы которой отстаивали соціалисты. чтобы войти въ составъ группы людей, соединенныхъ не классовыми интересами, а соціалистическими убѣжденіями“*).

Такъ дѣло, дѣйствительно, обстояло до гибели народовольчества. Положеніе затѣмъ значительно измѣнилось. Фатальнымъ ходомъ экономическаго развитія Россія вступила на путь капитализма, фазу, чрезъ которую Герценъ и народники думали перескочить... Не только рабочимъ не приходится выходить изъ своей среды, но сама революціонная интеллигенція вплотную придвигается къ этой средѣ, и, когда будетъ исполнена ея историческая миссія, сверженіе самодержавія, она окончательно растворится въ рабочей средѣ, понимая послѣднюю въ широкомъ смыслѣ. Но пока въ исторіи еще не произошло это сліяніе, „партія“ будетъ координировать дѣятельность этихъ двухъ элементовъ, направляя ее въ сторону политическаго переворота.

Не удивительно, что между такъ называемыми „экономическимъ“ и „революціоннымъ“ направленіями нашей соціальдемократіи разгорѣлась такая ожесточенная война. Намъ жаль только, что въ пылу схватки, наши „революціонеры-соціальдемократы“ не разбираютъ ни праваго, ни виноватаго, и валятъ въ одну кучу, какъ „экономистовъ“, такъ и тѣхъ, которые отъ „политиковъ“ отличаются лишь второстепенными вопросами тактики.

Какъ бы то ни было, революціонная интеллигенція

*) См. рѣчь „Послѣдовательныя поколѣнія“.

разбила узкія рамки „теоріи“; она снова на поверхности русской жизни, и *ей* предстоитъ осуществить синтезъ всѣхъ активныхъ силъ, создать соціально-революціонную „партію“.

IV

Задача революціонной интеллигенціи — вооружить нашъ пролетаріатъ такой программой дѣйствія, которая не только стояла бы на высотѣ интернаціональнаго соціализма, но была бы также въ соотвѣтствіи съ реальными потребностями политической борьбы съ самодержавіемъ во имя общенароднаго освобожденія.

Благодаря универсальному характеру развитія науки и индустріи, Россія вошла въ тѣсную, органическую связь съ внѣшнимъ, окружающимъ ее міромъ. Окно, пробитое Петромъ, все больше и больше расширялось, и сквозь него прошли, вмѣстѣ съ „свѣтомъ науки“, могучая сѣть желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ и телефонныхъ линій, кредитныя учрежденія, обширныя интернаціональныя промышленныя предпріятія. Самодержавіе ловко утилизировало для укрѣпленія своего господства весь этотъ арсеналъ науки и техники, — не нужно, чтобы революціонная интеллигенція отстала въ этомъ отношеніи отъ своего противника.

Она должна прежде всего заговорить съ пролетаріатомъ современнымъ точнымъ интернаціональнымъ соціалистическимъ языкомъ.

Медленно, вырабатывались начала соціализма. Постепенно духъ, которымъ онъ проникнутъ, сталъ духомъ и методомъ самой науки. Въ началѣ своего возникновенія соціалистическая мысль лишь возмущается тѣмъ, что впродолженіе всей исторіи „большинство человѣчества трудится и потѣетъ для блага и удовольствія ничтожнаго меньшинства“ и требуетъ исчезновенія „возмутительной разницы между богатыми и бѣдными, сильными и слабыми, господами и слугами, управляющими и управляемыми“, а для этого пропагандируетъ

„возмущеніе бѣдныхъ противъ богатыхъ“*). До революціи 1848 года въ міровоззрѣніи соціалистовъ господствуетъ неопредѣленный взглядъ на дѣленія общества, взглядъ, при которомъ въ сущности нѣтъ никакой разницы ни между эпохами, ни между разными націями. Одинъ писатель въ 1844 г. такъ и говоритъ:

„Исторія была до нашихъ дней непрерывной войной, и, въ своей сущности, войной счастливыхъ, имущихъ и побѣдителей противъ несчастныхъ, обездоленныхъ и побѣжденныхъ. Въ Греціи, эти послѣдніе назывались рабами и илотами, въ Римѣ рабами и плебеями, въ средніе вѣка крѣпостными; въ Россіи они зовутся крестьянами, въ Сѣверной-Америкѣ — неграми, а въ цивилизованныхъ странахъ современности—въ Англіи, Франціи и Германіи—они именуются пролетаріями“.

Мы уже говорили, что революція 48-го года положила на Западѣ конецъ первымъ соціалистическимъ неопредѣленнымъ ученіямъ и утопіямъ. Взамѣнъ ихъ создалась теорія, вытекавшая изъ внимательнаго анализа эволюціи общественныхъ группъ, теорія заимствовавшая изъ науки ея суть, т. е. ея методъ детальнаго изученія явленій въ ихъ постоянной эволюціи, и первымъ продуктомъ ея (или, точнѣе сказать, даже предвозвѣстникомъ) явился знаменитый Манифестъ Коммунистической Партіи, ставшій евангеліемъ рабочаго класса цивилизованнаго міра. Этотъ Манифестъ есть азбука того языка, на которомъ заговорилъ интернаціональный соціализмъ. Ее долженъ усвоить и русскій пролетаріатъ, въ моментъ, когда онъ входитъ совершеннолѣтнимъ членомъ въ международную соціалистическую семью.

Въ своей дѣятельности, какъ пропагандисты, мы встрѣчаемся съ необходимостью революціонизировать въ самомъ корнѣ народное міросозерцаніе, проникнутое еще такъ сильно религіознымъ, обычнымъ началомъ. Ученіе Коммунистическаго Манифеста уже со временъ знаменитаго „Впереда“ Лаврова давало намъ матеріалъ

*) „Манифестъ равныхъ“ Бабёфа, родоначальника революціоннаго соціализма

для такого воздѣйствія на народъ. И, въ самомъ дѣлѣ, какое есть болѣе могучее орудіе разрушенія обычнаго вѣковаго міросозерцанія, поддерживаемаго низкимъ уровнемъ культуры, чѣмъ проповѣдь теоріи *развитія* на почвѣ производства и выростающихъ здѣсь интересовъ, съ которыми кровно связано самое существованіе рабочаго? Взявъ исходнымъ пунктомъ пропаганды фактъ борьбы классовъ, мы легко проводимъ въ сознаніе рабочаго класса и духъ критики вообще. Проникнувшись идеей эволюціи своего класса, рабочій не только легко воспринимаетъ всѣ другія основныя начала науки: въ немъ просыпается, вмѣстѣ съ пониманіемъ исторической миссіи его класса, и сознаніе его собственной личности. Въ немъ является потребность собственнаго развитія, потребность, неразрывно связанная съ критикой и солидарной борьбой вмѣстѣ съ другими личностями за общій имъ идеалъ. Пропаганда классовой борьбы приводитъ такимъ образомъ по наикратчайшей линіи къ подготовленію элементовъ, сознательной *партіи*. Эти элементы приготовленные систематической, терпѣливой работой нашей революціонной интеллигенціи, въ свою очередь дѣлаются „ферментомъ“ для воздѣйствія на еще болѣе широкія, крестьянскія массы...

Говоря о томъ, что идеи научнаго соціализма должны лечь въ основаніе нашей соціалистической пропаганды, мы нисколько не намѣрены признать весь багажъ такъ называемаго „научнаго марксизма“ за достояніе науки.

Научный соціализмъ силенъ духомъ критики, и всякое стремленіе навязывать ему въ окончательной формѣ тѣ или другіе теоретическіе результаты, какъ догму, является патологическимъ переживаніемъ схоластики. Но ненужно, однако, чтобы, подъ предлогомъ критики, затемнялись основные научные методы соціалистической мысли, ея принципы, вытекающіе изъ факта классовой борьбы.

По мѣрѣ приближенія рѣшительнаго соціальнаго пе-

реворота, замѣчается двоякое теченіе. Въ лагерѣ европейскихъ соціалистическихъ партій идетъ пересмотръ программъ, имѣющій цѣлью держать сознаніе пролетаріата на уровнѣ все развивающейся жизни: это теченіе прогрессивное. Но другое теченіе — вытекающее изъ борьбы за существованіе буржуазіи — стремится затемнить и притупить сознаніе классового антагонизма: это теченіе реакціонное.

Революціонная интеллигенція, расширяя теорію, вводя въ нее новые элементы, — какъ, напр., роль сельскаго пролетаріата, начало личнаго воздѣйствія, — и изощряя свою критическую мысль въ этомъ направленіи, работаетъ въ духѣ Коммунистическаго Манифеста и только совершенствуетъ языкъ интернаціональнаго соціализма.

Она совершаетъ также полезную работу, когда срываетъ маску съ экономизма или такихъ явно вредныхъ явленій, какъ французскій милльрандизмъ, — этихъ замаскированныхъ попытокъ совратить пролетаріатъ съ его прямой дороги. Мы обязаны въ своей пропагандистской дѣятельности оберегать пролетаріатъ отъ всякихъ произвольныхъ, некритическихъ фантазій и помнить, что для его великой исторической миссіи ему нужно ясное міросозерцаніе, столь же далекое отъ догматической узости, какъ и отъ всякой претенціозной расплывчатости.

Что касается боевой тактики, то это является тою областью, въ которой русскимъ соціалистамъ, живущимъ при исключительныхъ условіяхъ, не приходится уже учиться у Западной Европы. Ихъ собственная исторія и знакомство съ условіями русской дѣйствительности дадутъ имъ нужныя указанія. Прежде всего они проникнутся той мыслью, что даже въ союзѣ съ „передовымъ отрядомъ пролетаріата“ они составляютъ численно ничтожное меньшинство; что тѣмъ не менѣе это меньшинство, правильно организованное, можетъ взять на себя иниціативу борьбы при наличныхъ условіяхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Россія доказала, что

въ міровомъ обмѣнѣ идей она играетъ не только роль ученицы Запада: примѣръ Народной Воли стоялъ высоко передъ соціалистами всего міра, какъ живая иллюстрація важности *революціоннаго почина меньшинства* въ ходѣ исторіи; а ученіе такихъ мыслителей, какъ П. Л. Лавровъ, дало обширное *научное* обоснованіе этого историческаго фактора...

Планъ дѣйствій, который будетъ вырабатываться революціонной интеллигенціей, долженъ, прежде всего считаться съ новою ролью рабочихъ массъ въ русской дѣйствительности. Всѣ пріемы борьбы должны обсуждаться съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть à priori исключенъ, потому только, что при другихъ общественныхъ условіяхъ онъ не далъ ожидаемыхъ результатовъ: исторія есть не повторяющійся процессъ, и въ сущности каждое историческое положеніе есть положеніе „исключительное“.

Сильная центральная организація, составленная изъ закаленныхъ и испытанныхъ элементовъ и опирающаяся на плотный слой мѣстныхъ и частныхъ организацій, постоянное общеніе революціонной интеллигенціи съ рабочими массами путемъ неустанной пропаганды научнаго соціализма и агитаціи на почвѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ народа, кажутся намъ двумя существенными критеріями всякаго серьезнаго плана соціально-революціонной борьбы.

И.